РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 45. 6-го Ноября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ доставки въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р., 1-го марта—**1** р., 1-го іюня—**1** р., 1-го августа—**1** р. и 1-го сентября—**1** р.

Открыта подписка на изданія „РОДИНА“ 1906 г.

Подробное объявленіе см. въ предыдущихъ номерахъ газеты „Родина“.

НЕПРИВЫЧНОЕ ДѢЛО. Съ картины **Р. Эрнести.**

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи.

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

XXII.

Я ТЕБѢ скажу, куда дѣваться,—таинственно заговорилъ Ершъ.—Ежели нѣтъ у тебя пристанища—я найду... Пока что я отведу тебя...

— Да тебѣ-то что? Ты что мнѣ за благодѣтель выискался?—перебилъ его Корецкій недовѣрчиво и все-таки подозрительно.

— Я—не благодѣтель,—не торопясь началъ Ершъ, свернувъ новую цыгарку, закуривая и сплевывая.

Его невозмутимое спокойствіе подѣйствовало на Корецкаго.

— Все-таки какая-жъ тебѣ корысть отъ меня?—спросилъ онъ болѣе мирнымъ тономъ.

— Можетъ, и корысть есть,—отвѣтилъ Ершъ,—можетъ, ты мнѣ нуженъ для дѣла—вотъ какъ ты есть...

— Для дѣла я не гожусь!—заявилъ Корецкій,—и ничего не желаю. Я думалъ разъ навсегда сразу сдѣлать, а затѣмъ зажить, какъ слѣдуетъ по натурѣ своей. Ты думаешь, что я—изъ острожной братіи, что-ли?..

— Вижу, братъ,—вздохнулъ Ершъ,—что ни въ какой ты академіи еще не бывалъ, не образовался, какъ слѣдуетъ. Все вижу! Смѣлости въ тебѣ должной нѣтъ...

— Ну, положимъ, смѣлость-то во мнѣ есть...

— Ой-ли! Это что ты дѣвченку-то въ рѣку спровадилъ? такъ, вѣдь, не одинъ, небось, орудовалъ...

— Не говори ты мнѣ объ этомъ, не смѣй говорить!—вспыхнулъ Корецкій.

— Вотъ въ томъ-то смѣлости настоящей и нѣтъ у тебя,—невозмутимо продолжалъ Ершъ,—что вотъ сейчасъ „не говори“ да „не смѣй“... А не смѣешь-то ты самъ... Ты только руку пріобрѣлъ—это называется, и больше ничего. Да и то не одинъ дѣйствовалъ.

— А ты почемъ знаешь?

— Вижу, потому и знаю... Онъ тебя подговорилъ и ты ему въ помощь былъ только...

— Кто онъ?

— А вотъ векселекъ-то чей у тебя былъ...

— Ну, что-жъ, онъ, такъ онъ!..

— Онъ, видно,—воробей стрѣляный...

— А чтобъ пусто ему было! Жилъ я безъ него...

— Вольною птицей,—подсказалъ Ершъ.

Корецкій махнулъ рукой и отвернулся.

— Ну, что-жъ!—вздохнулъ опять Ершъ,—что было, то прошло. Надо теперь за себя постоять... Прежде всего отсюда стрекануть... На это угольки нужны... Пѣшкомъ не разбѣжишься...

— Я денегъ достану!—вдругъ рѣшительно сказалъ Корецкій.

— Вотъ это—дѣло,—одобрилъ Ершъ,—вотъ такой человѣкъ мнѣ и нуженъ теперь, который желалъ-бы денегъ достать...

— Такъ я и безъ тебя обойдусь...

— Ну!..

— У меня тутъ дочь есть. Я у нея возьму...

— Много?

— Хватитъ...

— Это чтобъ уѣхать?

— Чтобъ уѣхать...

— А потомъ что?..

— А потомъ—не знаю...

— Вотъ то-то и оно! Да и что-жъ, банкирша—она дочь-то твоя? ты такъ пойдешь къ ней, она и отсыплетъ? А пока что гдѣ-ты будешь? Небось, жрать хочется?

— Пожалуй, хочется...

— А потомъ къ ночи спать захочется?

— Вѣроятно!

— Въ ночлежный пойдешь? А тамъ облава будетъ. Тебя-то теперь, благодаря документику, ужъ по городу ищутъ, стрѣлочки пущены, а ночью безъ облавы въ ночлежкахъ не обойдется, такъ ты и попадешь прямо-прямехонько... Ловко расчиталъ...

— Такъ куда-жъ я дѣнусь, чертъ! Я подъ мостомъ либо въ саду на скамейкѣ не привыкъ ночь проводить...

— Что такъ? развѣ дурно на вольномъ воздухѣ, въ особенности ежели темно совсѣмъ, такъ темно, что будто изъ этой темноты кто смотритъ на тебя, а тамъ вдалекѣ слышно, какъ рѣка плещетъ?..

— Замолчи, говорю, не смѣй!..

— Опять „не смѣй“! Ну, идемъ со мной.

— Куда?

— Въ уголокъ укромный, гдѣ поѣсть дадутъ, а спать ляжешь, такъ облавы не будетъ.—Ершъ всталъ и взялъ за плечо Корецкаго.—Идемъ, что-ль,—повторилъ онъ,—я самъ жрать хочу, да и горло промочить хочется... Мерзавчика раздавить теперь—разлюбезное дѣло...

Противъ „мерзавчика“ трудно было устоять Корецкому. Онъ поднялся на ноги и пошелъ за Ершомъ.

Они съ рѣки повернули въ немощеный переулокъ, потомъ миновали пустынный огородъ, перелѣзли черезъ сломанный, полуразрушенный, гнилой заборъ и очутились на маленькомъ заднемъ дворѣ большого стараго дома. На этотъ дворъ выходила нештукатуренная каменная стѣна съ темными рѣдкими окнами.

Нѣсколько оконцевъ, словно слѣпыхъ, выглядывало у самой земли изъ подвальнаго этажа.

Ершъ нагнулся и постучалъ въ одно изъ нихъ.

— Ты, что-ль, Ершъ?—послышался глухой голосъ изъ подвала, и оконце поднялось невидимой рукой, открывъ собою черную дыру, въ которой ничего нельзя было разобрать.

— Я съ гусемъ!—сказалъ Ершъ,—прицѣпки ищетъ.

— Мѣченый *)?—спросили изъ подвала.

— Ни! еще не мѣченый, только руку имѣетъ.

— Почитай, круги пишетъ **)?

— Глянцовитый. Лакъ съ него не сошелъ. Темноты боится... натаски проситъ...

— Стрѣлокъ ***)?

— Какой стрѣлокъ! говорю, руку имѣетъ, только зябликъ еще ****)...

Затѣмъ Ершъ наклонился, прильнувъ къ землѣ къ самому окну, и, глядя однимъ глазомъ на Корецкаго, пошепталъ въ окно такъ, что тотъ ничего не могъ слышать.

— Ну, шагай за мной!—предложилъ онъ Корецкому, наконецъ, провелъ его за уголъ и вошелъ въ дверь такую низенькую, что нужно было нагнуться, чтобы пройти въ нее...

Корецкій послѣдовалъ за нимъ.

XXIII.

Стоялъ жаркій іюльскій день, такой, какой бываетъ послѣ долгаго, упорнаго зноя. Воздухъ, казалось, не

*) Бывшій подъ судомъ и наказаніемъ.

**) Лжетъ.

***) Охотникъ поживиться на чужой счетъ.

****) Новичекъ.

только нагрѣлся солнечными, таявшими въ немъ и насыщавшими его, лучами, но высохъ и раскаленною недвижною корою облегалъ припеченую, затвердѣвшую землю. Небо безъ влаги потеряло синій цвѣтъ и стало прозрачно-сѣрымъ, какъ матовое сильно освѣщенное стекло. Маленькія перистыя облака, предвѣщавшія приближающуюся бурю, стояли на мѣстѣ, не двигаясь, и лѣниво, но замѣтно измѣняли свои пушисто-курчавыя очертанія. Листва деревьевъ не колыхалась и повисла недвижная, какъ рѣзное изъ бумаги, натянутое кружево. Птицы умолкли и попрятались въ гущу.

Вся природа притихла, изнемогая въ жарѣ. Суетилась и шумѣла только людская жизнь. По мостовой гремѣли экипажи, на желѣзной дорогѣ издали свистѣлъ паровозъ, на баркахъ слышался гулъ рабочихъ, затѣявшихъ перебранку, пароходъ шипѣлъ, но и эти отклики неугомонной людской жизни раздавались придавленно и не могли разсѣять тяготѣвшій въ воздухѣ тяжелый, неодолимый гнетъ.

Затишье было предъ грозою и все таинственно ждало этой грозы, чтобъ она разрядила насыщенный таинственною силою воздухъ...

Такъ парило съ утра. Къ полудню стало совсѣмъ душно и на краю неба показалась, наконецъ, надвигавшаяся туча.

Панна Юзефа боялась грозы и съ утра чувствовала смятеніе, тяжесть головы и безпокойство, но это не помѣшало ей отправиться, какъ это она дѣлала ежедневно теперь, на кладбище. Съ самыхъ похоронъ бѣдной убитой Лизы, она каждый день проводила на кладбищѣ у ея могилы все время, пока не стемнѣетъ.

Покрытая цвѣтами, свѣжая могилка Лизы съ временнымъ бѣлымъ крестомъ была насыпана надъ склепомъ между двумя гранитными часовнями съ теплящимися лампадами, служившими памятниками старику Тропинину и женѣ Валеріана Дмитріевича. Это срединное мѣсто между ними Валеріанъ Дмитріевичъ готовилъ для себя, никакъ не думая, что тутъ ему придется похоронить Лизу.

Неутѣшная панна Юзефа садилась на скамеечку или становилась на колѣна и молилась, опустивъ голову на руки...

Пріѣхавъ по обыкновенію на кладбище, она забыла про тучу, забыла про грозу; ей уже ничего не было тутъ страшно, весь страхъ, весь ужасъ былъ тутъ, въ землѣ, между этими богатыми гранитными часовнями, подъ обложенною дерномъ и покрытою цвѣтами насыпью съ бѣлымъ прямымъ и молчаливо недвижнымъ крестомъ, краснорѣчивѣе всѣхъ словъ, безпощадно свидѣтельствовавшимъ о ея горѣ.

Она привезла и сегодня, какъ вчера, новые цвѣты и не торопясь разложила ихъ, убирая, какъ невѣсту, могилку...

Было красиво, было богато, было хорошо, но было пусто и холодно, несмотря на зной и духоту.

Темно-лиловая огромная туча разросталась отъ края неба, тянулась и плыла, наползая и изрѣдка глухо, какъ-бы готовясь и пробуя свои силы, погромыхивая громомъ. Туча шла быстрѣе и быстрѣе, затемняя небо, навстрѣчу солнцу, какъ-бы кичась, что заслонитъ его, и, вспыхивая уже полымемъ молніи, горделиво готовилась замѣнить этими грозными, прерывистыми вспышками своего свѣта ослѣпительный зной солнечныхъ лучей.

Но солнечные лучи не сдавались и еще ярче золотили все на землѣ подъ темно-лиловою тучей, сбоку проникая подъ нее и рѣзко чередуя съ тѣнями безъ полутоновъ пятна скользящаго свѣта.

Панна Юзефа опустилась на колѣна, сложила руки по-католически, пальцы въ пальцы, и опустила голову. Губы ея зашептали молитву, изъ влажныхъ, покраснѣвшихъ отъ плача глазъ полились несдерживаемыя слезы и тѣло затряслось отъ рыданій...

Слѣпящій зигзагъ молніи, разрѣзавъ тучу, полоснулъ по ней, и близкій сухой, трещащій ударъ грома, какъ ружейный залпъ, грянулъ и раскатился, словно земля потряслась...

Панна Юзефа вздрогнула и подняла голову.

Предъ ней у часовни надъ могилою жены Валеріана Дмитріевича на темномъ фонѣ тучи стояла, освѣщенная лучемъ солнца, сама эта жена, въ такомъ-же голубомъ платьѣ, какъ она была изображена на портретѣ въ кабинетѣ Валеріана Дмитріевича. Она стояла, опустивъ руки, и смотрѣла на панну Юзефу...

Рѣзкій порывъ вѣтра дунулъ изъ-подъ тучи, затрепетали и забились вѣтви деревъ, съ земли поднялся столбъ пыли, въ немъ закружились подхваченные оборванные листья, и крупныя капли дождя ретиво и властно забили въ жаждавшую влаги землю.

Панна Юзефа протянула предъ собою руки, хотѣла крикнуть, но, какъ снопъ, повалилась навзничь въ обморокъ...

XXIV.

Когда Юзефа очнулась, она увидѣла себя въ маленькой, низкой комнатѣ съ большою русскою печкой. Очевидно, это былъ домикъ кладбищенскаго сторожа. У печки стояли лопаты, по стѣнамъ висѣли вѣнки. Панна Юзефа лежала на скамейкѣ... Возлѣ нея суетились люди.

Кромѣ сторожа и молодой бабы, жены его (ихъ Юзефа признала сейчасъ-же), тутъ былъ еще бритый довольно представительный господинъ, который распоряжался, выжималъ полотенце и клалъ ей на голову холодный компрессъ.

— Въ себя пришли! — сказала жена сторожа.

Юзефа, очнувшись, быстро привстала, словно ей было стыдно за то, что случилось съ нею.

— Останьтесь лежать лучше, побудьте такъ, — посовѣтывалъ ей бритый господинъ.

— Нѣтъ, ничего, — возразила панна Юзефа, держась за голову. — Что это было со мною?

— Удара грома испугались, — пояснилъ господинъ,—обморокъ; хорошо, что я былъ поблизости и могъ принести васъ сюда...

— Да, да, я удара грома испугалась! — протяжно произнесла Юзефа.

За окнами гроза уже утихала, дождь еще лилъ, но громъ гудѣлъ отдаленнѣе и вспышки молніи были не такъ ослѣпительны, какъ прежде...

— Ну, вотъ вы и оправились, — заговорилъ бритый господинъ, обращаясь къ Юзефѣ и заглянувъ въ окошко, — скоро вамъ можно будетъ и домой ѣхать если хотите; вѣдь, у васъ карета тутъ?

— Да, карета...

— Теперь гроза уже не опасна, а дождь въ каретѣ ничего не сдѣлаетъ...

— Я хотѣла-бы поскорѣе домой,—сказала Юзефа

— Я думаю, можно хоть сейчасъ...

— Я сейчасъ-бы хотѣла!..

Сторожъ сбѣгалъ за каретой и велѣлъ ей подъѣхать къ своему домику.

Юзефа собралась быстро.

Господинъ, оказавшій ей услугу, пошелъ проводить ее.

— Позвольте мнѣ отрекомендоваться вамъ,—проговорилъ онъ. — Я — актеръ театральной труппы Козодавлевъ-Рощининъ, а это вотъ, — показалъ онъ въ

темнотѣ сѣней на молодую дѣвушку,—моя воспитанница, дочь Галактіона Корецкаго; можетъ быть, позволили слышать?

Въ это время сторожъ отворилъ наружную дверь, сѣни освѣтились, и Юзефа увидѣла лицо воспитанницы Козодавлева-Рощинина...

— Никакого Корецкаго я не знала и ничего не слыхала о немъ!—отрывисто пробормотала она и кинулась, не обращая вниманія на дождь, въ карету,

ПОХИЩЕНІЕ. Съ картины **Г. Турнеръ**.

не давъ времени Козодавлеву-Рощинину раскрыть зонтикъ, хотя онъ и приноровился сдѣлать это, чтобы провести панну Юзефу до экипажа.

Она захлопнула дверцу, сѣрыя въ яблокахъ лошади, потемнѣвшія со спины и боковъ отъ лившаго дождя, рванулись впередъ и карета покатилась, разбрызгивая грязь резиновыми шинами.

Козодавлевъ-Рощининъ глядѣлъ ей вслѣдъ, оставшись на дождѣ съ непокрытой головой и съ нераскрытымъ зонтикомъ въ рукахъ.

— Нѣтъ! Корецкій не совралъ! — рѣшилъ онъ и, вернувшись въ домикъ сторожа, велѣлъ позвать извозчика, на которомъ онъ пріѣхалъ съ Микушиной на кладбище.

Онъ привезъ ее сюда сегодня не безъ умысла, хотя она и не подозрѣвала ничего, а была убѣждена, что дядя Андрей просто повезъ ее на прогулку.

Уже давно Козодавлева-Рощинина поражалъ странный поступокъ матери Манички, которая, прикинувъ свою дочь негодному отцу, исчезла и затѣмъ никогда не только не поинтересовалась о своемъ ребенкѣ, но и о себѣ не давала знать, какъ-будто между нею и ребенкомъ не существовало никакой родственной связи.

Какова-бы ни была мать, каковъ-бы ни былъ отецъ и каковъ-бы ни былъ ребенокъ, было немыслимо, противоестественно, чтобы женщина, оставивъ такъ на рукахъ отца свое дитя, не вспомнила о немъ.

Куда исчезла мать Манички, Корецкій не зналъ самъ. Онъ очень рѣдко говорилъ о ней съ Рощининымъ и никогда, даже приблизительно, не указывалъ ея слѣдовъ, потому, впрочемъ, что они и для него были скрыты.

Когда онъ, полупьяный, показалъ Рощинину на улицѣ карету, запряженную сѣрыми лошадьми въ яблокахъ и подъѣхавшую къ дому Тропинина, и сказалъ, что сидѣвшая въ каретѣ барыня — мать Манички, Рощининъ думалъ, что это—плодъ его пьяной фантазіи.

На похоронахъ убитой дѣвушки въ шедшей близко за гробомъ и безутѣшно рыдавшей женщинѣ онъ узналъ ту барыню, на которую ему указывалъ въ каретѣ Корецкій. Онъ спросилъ у провожавшихъ похоронную процессію, кто она, и ему сказали, что это—панна Юзефа, кормилица и воспитательница „дочери“ Валеріана Дмитріевича Тропинина.

Затѣмъ, когда онъ былъ въ кабинетѣ у Тропинина, его поразило необычайное сходство висѣвшаго надъ диваномъ портрета жены Валеріана Дмитріевича съ его Маничкой.

Отъ камердинера, Власа Михайловича, онъ узналъ подробности о смерти жены Тропинина, о томъ, какъ она умерла въ маленькомъ польскомъ городкѣ черезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ, и о томъ, что Валеріанъ Дмитріевичъ не хотѣлъ въ первое время глядѣть на ребенка и не видѣлъ его.

Городъ, въ которомъ все это произошло, былъ тотъ самый, гдѣ проживалъ Корецкій, гдѣ родилась Маничка и гдѣ мать подкинула ее Корецкому и исчезла.

Всѣхъ этихъ данныхъ было для Рощинина болѣе чѣмъ достаточно, чтобы сообразить, въ чемъ было дѣло. Для него стало очевиднымъ, что взятая въ кормилицы панна Юзефа подмѣнила ребенка, брошеннаго сначала всецѣло на ея присмотръ. Эту оче-

видность подтверждало сходство Манички съ покойной женой Тропинина.

Расчетъ Юзефы былъ довольно простой, хотя и смѣлый, но на успѣхъ его она могла положиться, потому что все обезпечивало ей безнаказанность. Она должна была уѣхать съ ребенкомъ въ тотъ-же день, когда была взята, уѣхать далеко и, такимъ образомъ, навсегда разстаться съ господиномъ Корецкимъ. Но случай предоставлялъ ей возможность не разставаться со своимъ собственнымъ ребенкомъ, который былъ тоже дѣвочкой. Стоило только оставить его при себѣ, а господскаго ребенка, котораго жалѣть ей было нечего, прикинуть Корецкому.

И какая будущность открывалась предъ нею и для нея, и для ея дочери! Дочь ея будетъ жить въ холѣ, въ нѣгѣ и въ богатствѣ, станетъ впослѣдствіи наслѣдницей огромнаго состоянія, а сама панна Юзефа, конечно, останется на всю жизнь при ней вмѣсто матери.

Такъ, очевидно, расчитала панна Юзефа, такъ оно и вышло.

Все это легко представилъ себѣ Козодавлевъ-Рощининъ, но ему нужно было окончательно убѣдиться въ справедливости своихъ предположеній, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что эти предположенія вѣрны и что онъ не ошибается.

Для этого онъ, подъ видомъ прогулки, привезъ сегодня на кладбище Маничку, одѣвъ ее въ такое-же, какъ на портретѣ, голубое платье.

Онъ зналъ, что панна Юзефа проводитъ тутъ цѣлые дни и что ее можно увидѣть у могилы Лизы.

Онъ повелъ Маничку по дорожкамъ кладбища.

Дальше помогъ случай, или судьба. Маничка заинтересовалась двумя часовнями надъ тропининскимъ склепомъ, увидавъ ихъ издали.

— Если хочешь, поди, посмотри поближе, — предложилъ ей Рощининъ, завидѣвшій тоже издали склоненную надъ могилой фигуру панны Юзефы.

Маничка подошла.

Въ это время ударилъ громъ, панна Юзефа увидѣла Маничку и упала въ обморокъ.

Было достаточно и этого; но окончательно убѣдилъ Рощинина отвѣтъ панны Юзефы на его напоминаніе о Корецкомъ. Она сказала, что не знаетъ его, но по тому, какъ сказала она это и какъ кинулась подъ дождемъ въ карету, для Рощинина не было уже сомнѣній, что его предположенія вѣрны.

Теперь оставалось одно: раскрыть всю исторію Тропинину и вернуть ему настоящую его дочь.

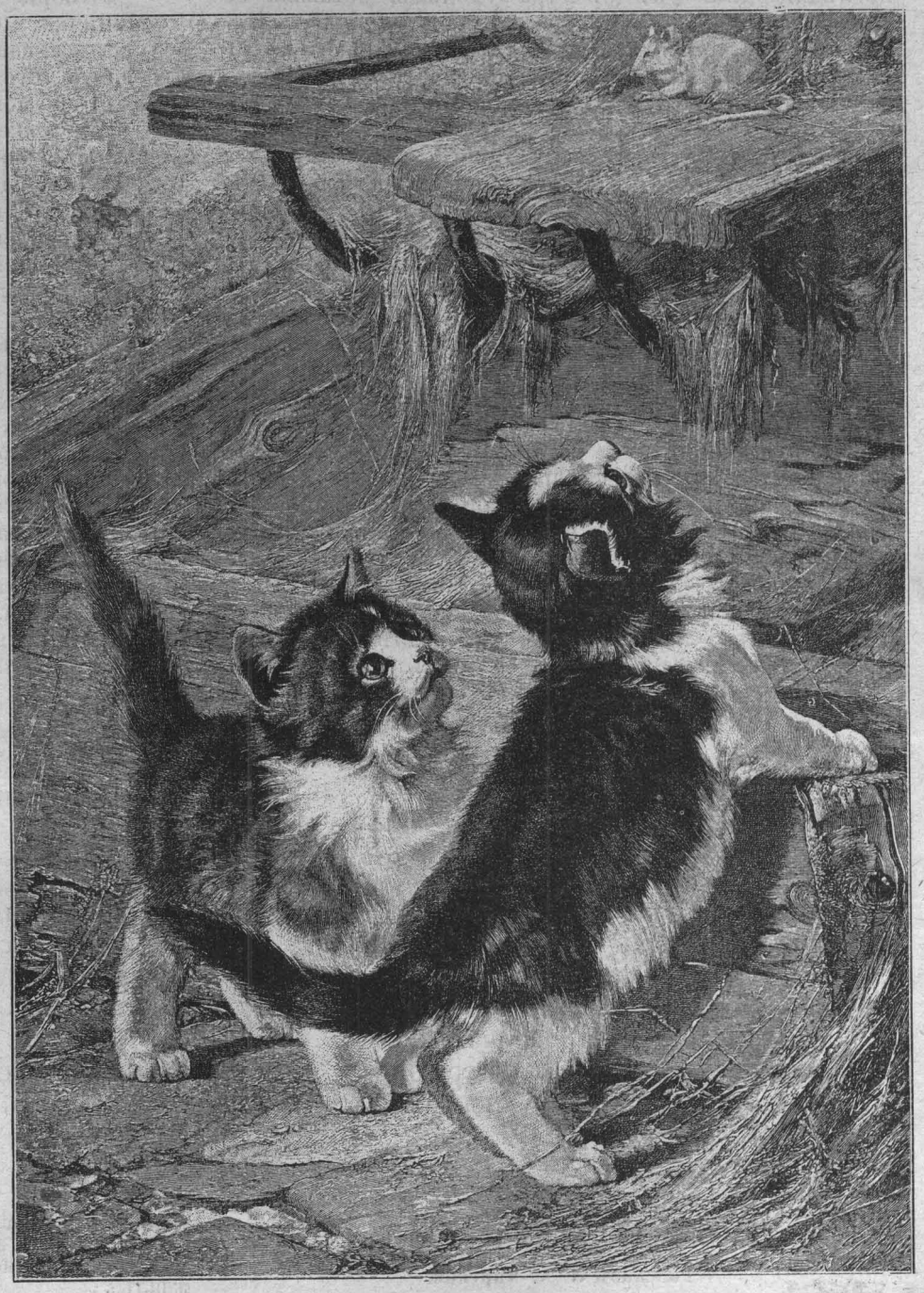
Но какимъ образомъ было сдѣлать это?

Такъ прямо придти къ нему и разсказать было невозможно, потому что изъ всѣхъ доказательствъ, кромѣ поразительнаго сходства Манички со своею матерью, Рощининъ не могъ представить ни одно.

Панна Юзефа, конечно, отречется отъ всего, а пьяный пропойца Корецкій не можетъ внушить никакой вѣры въ свое свидѣтельство.

Да и положеніе Козодавлева-Рощинина, какъ актера, т. е., человѣка, не имѣющаго осѣдлости, принадлежащаго къ артистической богемѣ, не могло сообщить ему такое уваженіе, чтобъ къ его словамъ относились безъ подозрительности.

Дѣло было сложное, совсѣмъ необычайное, и



МЫШЬ ПОЧУЯЛИ. Съ картины **Ю. Адамъ.**

сходство Манички съ покойной Тропининой скорѣе можно было объяснить простою случайностью, которою-де хочетъ воспользоваться бродячій актеръ для того, чтобы всучить въ дочери убитому горемъ отцу и богатѣйшему при этомъ фабриканту свою воспитанницу, такую-же бродягу, какъ и онъ.

Рощининъ понималъ это и понималъ также психологію отца, для котораго неожиданно должна какъ-бы воскреснуть дочь, только что похороненная имъ. Для такого почти невѣроятнаго чуда нужны были не-

оспоримыя, очевидныя доказательства, а пока ихъ не было въ рукахъ у Рощинина; но онъ надѣялся, что судьба поможетъ ему отыскать ихъ.

XXV.

Вечеромъ, въ день прогулки на кладбище, Маничка сидѣла у себя въ номерѣ, въ гостиницѣ, заперевъ дверь на замокъ, по приказанію дяди Андрея.

Она не могла понять, что сдѣлалось съ нимъ въ послѣдніе дни. Онъ съ утра уходилъ, оставляя ее одну и требуя, чтобы она запиралась на ключъ. Появлялся онъ только для того, чтобы отправиться съ нею погулять, причемъ онъ ни на шагъ не отпускалъ ея отъ себя, а затѣмъ привозилъ домой и просилъ, чтобы она запиралась. Онъ взялъ съ нея слово, что она не пуститъ къ себѣ никого, въ особенности Корецкаго, что-бы онъ ни говорилъ ей и какъ-бы ни уговаривалъ.

Обѣдъ, завтракъ и все, что ей было нужно, приносили ей въ номеръ; въ театрѣ она не была занята и туда дядя Андрей не пускалъ ея. Вечеромъ, вернувшись изъ театра, онъ заходилъ къ ней; она ждала его съ самоваромъ, онъ пилъ чай, разспрашивалъ, какъ она провела день, и довольный, что никто не тревожитъ ея, прощался, благословлялъ ее на ночь, цѣловалъ въ лобъ и уходилъ къ себѣ.

Маничка сидѣла у раскрытаго окна и глядѣла на знакомую уже ей, успѣвшую надоѣсть, изученную во всѣхъ подробностяхъ площадь. Дядя Андрей перевелъ ее изъ прежняго маленькаго номера въ болѣе дорогой и лучшій, съ окнами на улицу.

Одиночество Манички было такъ томительно и скучно, что казалось длившимся необычайно.

Она успѣла уже привыкнуть сидѣть такъ вечеромъ у раскрытаго окна и глядѣть на площадь, и знать, что ничто не нарушитъ ея одиночества. Но на этотъ разъ она ошиблась. Ручка двери чуть-чуть шевельнулась, дверь попробовали отворить изъ корридора, потомъ постучали. Маничка встала, подошла къ двери и спросила:

— Кто тамъ?

— Это—я, отецъ твой!—проговорилъ изъ-за двери Корецкій, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе нѣжности.

„Вотъ оно!—мелькнуло у Манички,—что-же мнѣ теперь дѣлать?“

— Отвори!—сказалъ Корецкій.

Маничка металась по комнатѣ. Она не смѣла ослушаться дяди Андрея, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не знала и боялась того, что произойдетъ, если она отворитъ.

— Я не могу! — сказала она.

— Не можешь?.. отчего-же ты не можешь?

Маничка хотѣла солгать, что у нея нѣтъ ключа. Но она никогда не лгала до сихъ поръ и ей стоило большого усилія, чтобы сказать, что ключа нѣтъ.

— Анъ врешь! ключъ въ замкѣ, я вижу! — проговорилъ Корецкій, заглянувшій въ замочную скважину.

Маничка, уличенная, совсѣмъ уже растерялась и, не зная, что ей говорить, бросилась къ постели, легла на нее и, уткнувшись головой въ подушку, закрыла лицо руками, рѣшивъ, что пусть будетъ, что будетъ!

— Господи, помилуй и сохрани! — твердила она про себя, стараясь не слушать того, что говорилъ ей изъ-за двери Корецкій.

Онъ сначала просилъ, приказывалъ, требовалъ, казалось, хотѣлъ сорвать дверь съ петель, но гостиница была полна народомъ и онъ боялся шумѣть, боялся даже говорить слишкомъ громко.

— Маничка, Маня! – жалобно просилъ онъ, — отвори! мнѣ нужно сказать тебѣ два слова только! Твоя мать желаетъ тебя видѣть! я тебя хочу отвести къ ней!

(Продолженіе будетъ.)

Находка.

Сегодня случайно въ тетради забытой
Нашелъ я засохшій цвѣтокъ...
И думъ невеселыхъ о жизни прожитой
Нахлынулъ нежданный потокъ.
Цвѣтокъ пожелтѣлъ, но носили страницы
Чуть слышный его ароматъ...
О счастьѣ угасшемъ опять вереницы
Грезъ чистыхъ вернулись назадъ.

Вернулись и, сердце тревогой сжимая,
Напомнили вновь мнѣ онѣ
Прошедшее счастье далекаго мая
Въ далекой родной сторонѣ.
И стало мнѣ больно, что дней пережитыхъ
Вернуть невозможно утратъ,
Что память о прошломъ исчезла скорѣе,
Чѣмъ въ скромномъ цвѣткѣ ароматъ!..

М. Колосовъ.

Безъ упрека.

Разсказъ **Л. А. Чарской.**

(Окончаніе.)

Точно что толкнуло Павлика впередъ и онъ быстро опустился на указанное ему мѣсто.

— Ну вотъ, ну вотъ, и отлично! — засуетился, разомъ какъ-то обрадовавшись, старшій Кремницкій,— вы сыночку моему чайку налейте, Агаѳья Прохоровна, а я другимъ чаечкомъ позабавлюсь!

И онъ усиленно потиралъ руки и поглядывалъ на графинчикъ счастливымъ, возбужденнымъ взглядомъ.

Павликъ машинально принялъ громадную чашку изъ рукъ незнакомой женщины и не спускалъ глазъ съ отца.

А тотъ дрожащими руками налилъ изъ графинчика въ рюмку съ отбитымъ краешкомъ и съ видимымъ наслажденіемъ опрокинулъ ее въ ротъ.

— Да-съ... хорошій юноша—вашъ товарищъ, господинъ Аникинъ, дай Богъ ему здоровья!—снова заговорилъ Кремницкій,—никогда не забуду я его услуги... Спасибо ему, привезъ мнѣ сыночка... не ждалъ, что увижу васъ когда-нибудь, не ждалъ...

— Папа!—вырвалось съ невыразимою болью изъ груди Павлика,—не говори мнѣ «вы», папа!

Кремницкій, наливавшій въ эту минуту вторую рюмку, остановился на полудорогѣ и вперилъ въ сына широко открытый, немигающій взглядъ.

Что-то новое, что-то большее, нежели простое изумленіе, прочелъ въ этомъ взглядѣ Павликъ. И, не отдавая себѣ отчета, онъ порывисто вскочилъ со своего мѣста, подбѣжалъ къ отцу и обнялъ его.

— Пашенька... Пашенька мой!—какъ-то жалобно протянулъ Кремницкій и сталъ гладить прильнувшаго къ его груди Павлика по мягкимъ вьющимся волосамъ.

Агаѳья Прохоровна закрылась фартукомъ и заплакала «въ голосъ».

Павликъ позабылъ было вовсе о ея присутствіи и ея при-

читанія непріятно рѣзнули его. Онъ взглянулъ на нее, потомъ на отца и, видя, что тотъ не понимаетъ его, тихо шепнулъ:

— Папа! я хочу побыть съ тобой наединѣ... Отпусти ее!

Кремницкій-старшій быстро и часто закивалъ головой, но все лицо его выразило невѣроятное смущеніе и онъ робко началъ, заикаясь:

— Агаѳья Прохоровна... вы ужъ не гнѣвайтесь, а намъ съ Пашенькой поговорить надо...

И что-то заискивающее при этомъ было въ тонѣ его голоса.

Агаѳья Прохоровна бросила не совсѣмъ доброжелательный взглядъ на отца и сына и величественно удалилась.

— Ты того, Павлуша... ты не обижайся! Она—баба хорошая,—зашепталъ ей вслѣдъ Кремницкій,—и потомъ... я ей всѣмъ обязанъ. Сколько разъ она меня отъ голода спасала!..

— Папа!—вырвалось изъ груди Павлика,—неужели ты такъ бѣдствовалъ?

— Да, сыночекъ, бѣдствовалъ; да не то, что бѣдствовалъ, а на краю смерти былъ... Служилъ я и въ губернскихъ канцеляріяхъ, и журналишко издавать принимался, да ровно ничего путнаго изъ этого не выходило. Алкоголикъ я, Паша, и тутъ-то мнѣ и крышка. Ужъ чего-чего только не предпринималъ—не везло! На службѣ не держали, пьяницы кому нужны?! Вѣдь, даже у сапожника въ подмастерьяхъ служилъ, сапоги тачалъ, да и то не вынесъ... Пилъ я, шибко пилъ, Паша, ну, и прогналъ хозяинъ. У людей снисхожденія нѣтъ... Одна только вотъ добрая душа нашлась, Агаѳья Прохоровна, ходитъ за мной, какъ за больнымъ ребенкомъ, а что я ей? Она послѣднюю копейку въ меня вколачиваетъ, Паша, такъ развѣ я могу этого не цѣнить. У нея деньги тоже, вѣдь, кровью и потомъ нажиты, работница она, поденно ходитъ.

Тутъ Кремницкій налилъ снова изъ графинчика и опрокинулъ въ ротъ рюмку.

— Такъ почему-же ты не пріѣхалъ сюда раньше, не обратился къ мамѣ?—вырвалось страстнымъ крикомъ изъ груди Павлика.

— Къ мамѣ? — переспросилъ Кремницкій - старшій; при этомъ лицо его снова приняло то слезливо-заискивающее выраженіе которое такъ не нравилось Павлику, и онъ, немного помолчавъ, сказалъ:—ахъ, Пашенька, не знаешь ты всего!

— Не знаю, папа,—покорно согласился мальчикъ,—разскажи.

— Обращался я къ ней, Паша, въ самую тяжкую минуту обращался... Лежалъ я больной въ сыромъ подвалѣ безъ хлѣба и лекарства... и писалъ я ей... всю душу, какъ предъ Богомъ, выложилъ, помощи просилъ... Да только...

— Что папа?

— Изъ этого ничего не вышло, Пашенька. Отвѣтъ-то я получилъ, да какой отвѣтъ-то! И знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю, и что пьяницамъ и бродягамъ помогать не намѣрена.

— Господи! — произнесъ въ ужасѣ Павликъ, — неужели мама?..

— Не вини ея, Паша. Она—святая женщина!—горячо произнесъ Кремницкій,—ты не знаешь всего, такъ и судить не можешь! Провинился я предъ ней, Паша, шибко провинился. Не умѣлъ я ее цѣнить. Чистая она была, гордая, холодная такая... не по мнѣ, словомъ! Ну, пошла за меня, потому что ужъ очень влюбился въ нее. Ну, и богатъ я былъ тогда! Для бѣдной дѣвушки богатство—приманка. Вышла за меня, вышла, да сразу и разочаровалась. Душа у нея была возвышенная, чуткая, ну, а я—плебей, Паша. Отдаляться она отъ меня стала. Я тосковалъ сначала, а тамъ плюнулъ и сталъ искать другой привязанности, на сторонѣ... Узнала она, моя красавица, уличила меня и вонъ выгнала навсегда, и въ правѣ появляться ей на глаза отказала. Ну, конечно, ослушаться я не посмѣлъ и ушелъ, Паша. Къ счастью, все, что имѣлъ, все на нее перевелъ и далъ ей возможность жить спокойно, безъ нужды и лишеній! Такъ вотъ, сыночекъ, каковъ твой папенька. Не суди меня строго, Паша! Всѣ мы — люди, всѣ подъ Богомъ ходимъ, всѣ человѣки есьмы.

И онъ опять потянулся къ графинчику

Блѣдный, взволнованный, до глубины души потрясенный сидѣлъ Павликъ. Туманъ въ его мысляхъ давно разсѣялся... все было теперь вполнѣ ясно, доступно его пониманію... Онъ словно выросъ въ эти часы на нѣсколько лѣтъ. Его великолѣпная, безупречная мать, выростившая, поднявшая его на ноги, разомъ упала съ той недосягаемой высоты, на которой до сихъ поръ ее видѣлъ Павликъ, а бѣдный, жалкій алкоголикъ-отецъ его вдругъ властно и прочно воцарился въ сердцѣ мальчика. Онъ былъ теперь его героемъ, этотъ маленькій, кругленькій человѣчекъ въ засаленномъ сюртучишкѣ.

Его единственная ошибка, невѣрный шагъ, сдѣланный имъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, терялъ все свое значеніе... За нимъ былъ перевѣсъ сердца, незлобія, великодушія...

«Надо быть милосернымъ! Надо щадить и миловать!—шепталъ что-то настойчиво и властно въ душѣ мальчика,—а ты, мама, была-ли ты такою?»

И слезы текли по щекамъ Павлика и капали на его щегольскую тужурку, а онъ не замѣчалъ ихъ, углубленный въ свои тяжелыя думы.

Сумерки давно спустились. На фонѣ ихъ рѣзкимъ пятномъ выдѣлялись бѣлая салфетка на маленькомъ столикѣ и полуопустошенный графинчикъ.

Кремницкій-старшій сидѣлъ понуривши и тяжело дышалъ. Въ сосѣдней каморкѣ кто-то тихо и продолжительно плакалъ.

«Это Агаѳья Прохоровна!»—промелькнуло въ головѣ Павлика и онъ порывисто всталъ.

— Уходишь?—робко произнесъ знакомый и уже дорогой Павлику голосъ.

И въ эту самую минуту, при первомъ звукѣ этого голоса, Павликъ разомъ понялъ, что ему надо дѣлать...

Сказочный принцъ, обитающій въ золотыхъ чертогахъ, куда-то исчезъ. На его мѣстѣ былъ новый Павликъ, не имѣвшій болѣе ничего общаго съ тѣмъ міромъ довольства, роскоши и фальши, которому принадлежалъ онъ еще такъ недавно. Красивая, спокойная, довольная женщина, царица этого міра, отодвинулась куда-то далеко-далеко отъ сердца Павлика и это юное отзывчивое сердечко разомъ наводнило новое могучее, глубокое чувство громадной, болѣзненной любовной жалости къ толстенькому человѣчку, сидѣвшему предъ нимъ.

И точно какой-то токъ перешелъ отъ сердца сына къ сердцу отца.

— Уходишь уже? — прошепталъ еще разъ Кремницкій-старшій.

— Нѣтъ!—съ долго сдерживаемымъ рыданьемъ вырвалось изъ груди мальчика.—Я остаюсь! Я остаюсь, чтобы работать и жить для тебя, только для тебя, папа!

Что-то могучее, сильное и прекрасное спустилось на обоихъ и бросило ихъ въ объятія другъ другу.

Отецъ и сынъ рыдали, какъ безумные, смѣшивая слезы съ поцѣлуями, поцѣлуи—со слезами.

Отецъ отговаривалъ сына отъ его великодушнаго поступка, просилъ его не горчать матери и идти туда, гдѣ онъ могъ-бы жить въ довольствѣ и холѣ.

Но предъ мысленнымъ взоромъ Павлика выростали новыя картины, которыя манили и уводили его въ новый, громадный міръ, чистый и прекрасный. Жить для отца, для своего бѣднаго, судьбой побитаго отца, работать для него, поддерживать въ немъ бодрость духа, энергію, силу, постепенно спасать его отъ его разлагающей слабости, дать ему подъ конецъ жизни то, чего его такъ долго лишали—сыновьи любовь и ласку, вотъ все, что стало теперь идеаломъ Павлика, къ которому онъ стремился.

Онъ порывисто обнялъ дорогую лысѣющую голову и произнесъ глубокимъ, изъ сердца исходящимъ голосомъ:

— Да, папа, я остаюсь съ тобою...

Ненни Кремницкая стояла, величавая и спокойная, въ своемъ розовомъ будуарѣ, въ томъ самомъ розовомъ будуарѣ, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ выслушала признаніе Туманскаго.

И, какъ мѣсяцъ тому назадъ, Туманскій стоялъ предъ нею и, покорно склонивъ красивую съ тщательно расчесаннымъ боковымъ проборомъ голову, ждалъ рѣшенія.

Ненни уже больше не колебалась.

Зачѣмъ? Развѣ все не было такъ ясно и просто?

Она, по-своему, много и сильно любила мальчика, Павликъ былъ ей очень дорогъ. Ради него она хотѣла остаться женщиной и матерью безъ упрека. Но Павликъ оказался неблагодарнымъ сыномъ и удерживать его насильно, отвоевывать его отъ мужа Ненни не будетъ.

У нея неизлечимая рана въ сердцѣ, но она перенесетъ ее мужественно и спокойно, чтобы не дать торжествовать врагу!

О, она умѣетъ властвовать надъ собою и гордиться этимъ. Но она—все-же женщина, и вдобавокъ красивая женщина, во всемъ блескѣ своего пышнаго расцвѣта.

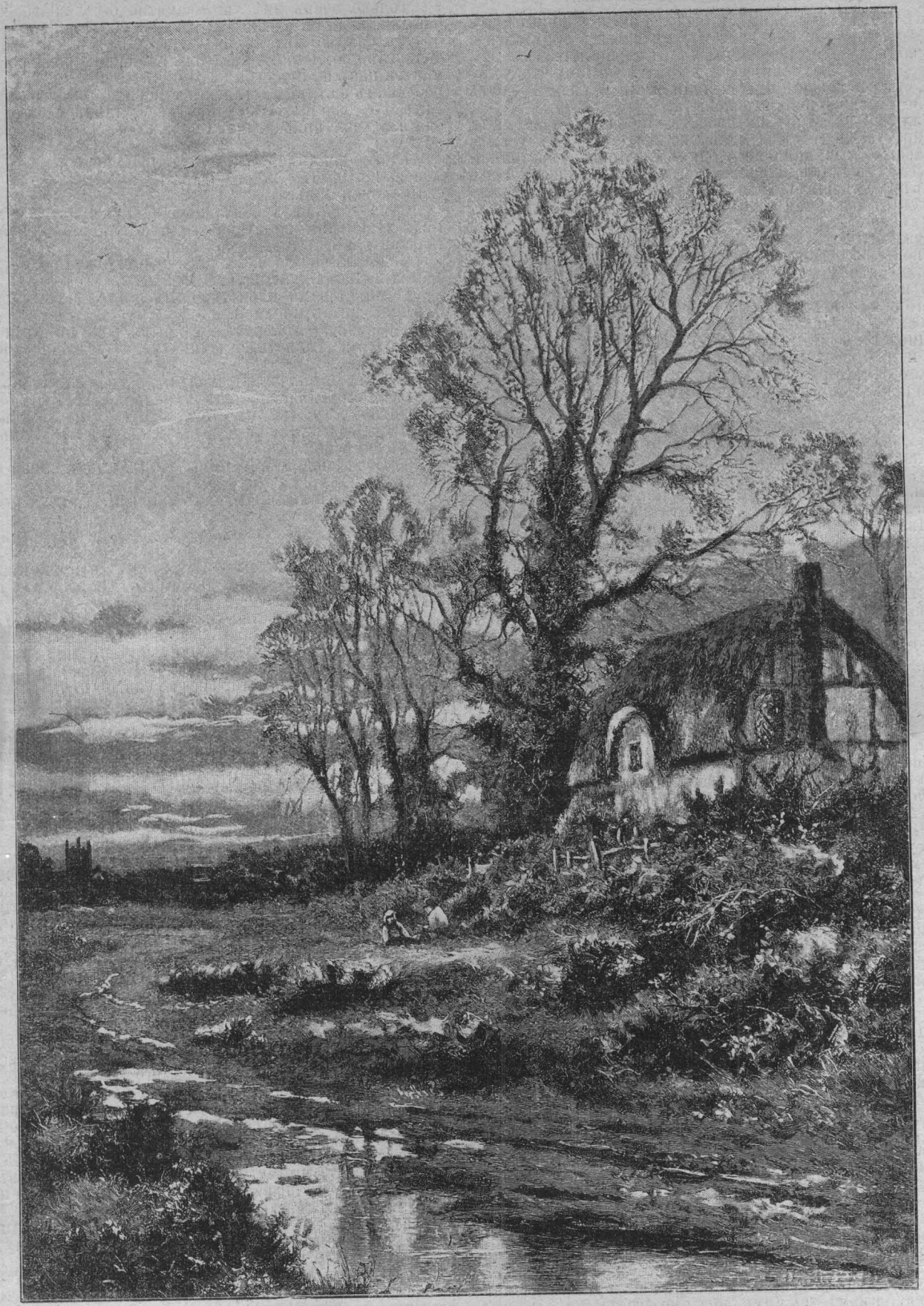
Теперь она свободна и можетъ сдѣлать выборъ.

Туманскій любитъ ее беззавѣтно и ждетъ ея послѣдняго слова. И Ненни безъ тѣни колебанія протягиваетъ Туманскому свои красивыя руки.

Она имѣетъ право на счастье и никто не посмѣетъ сдѣлать ей упрекъ за ея поступокъ.

КОНЕЦЪ.

ВЪ ПОЛНОМЪ БЛЕСКѢ. Съ картины П. Месиле



ДЕНЬ ОТДЫХА. Съ картины Д. Шеррина.

Въ углахъ.

(Разсказъ богадѣлки.) М. Ѳ. Караулова.

ДАВНО это, государь мой, было... Еще покойникъ мужъ мой, царство ему небесное, въ живыхъ обрѣтался и портняжнымъ ремесломъ хлѣбъ зарабатывалъ...

Жили мы съ нимъ въ достаткѣ, потому что человѣкъ онъ былъ непьющій и работящій, жаль только, что вотъ дѣтьми насъ Господь не благословилъ.

Снимали мы квартиру на Пескахъ: въ одной комнатѣ сами жили, а другую подъ углы сдавали; и все жильцы у насъ обстоятельные были: чиновникъ одинъ отставной, настоящій чиновникъ, съ медалью и пенсіонъ выслужилъ, еще купецъ одинъ изъ прогорѣвшихъ, тоже человѣкъ образованный, можно сказать, старушка одна отъ благодѣтелей пользовалась, да четвертымъ еще нашъ братъ — мастеровой человѣкъ, и тоже по портняжному дѣлу. Этотъ цѣлые дни сидѣлъ у себя съ ногами на постелькѣ да кропалъ какую-нибудь одежу и разъ въ мѣсяцъ аккуратно на три дня запивалъ. Тогда другіе жильцы очень на него обижались, но мы съ мужемъ все его держали, потому что руки у него золотыя были и лишнюю работу онъ всегда моему передавалъ.

Не одинъ годъ ужъ такъ прошелъ и жили мы всѣ вмѣстѣ въ согласіи и никакихъ промежъ насъ непріятностей не было, окромя того самаго раза, какъ Трифонъ Тимоѳеевичъ, это портной-то, теперь тоже покойничекъ, къ слабодушеству своему обращался.

Только вдругъ это разъ приходитъ домой Прасковья Онисифоровна, вотъ та самая старушка, что отъ благодѣтелей пользовалась, да и говоритъ мнѣ:

— Ну, мать моя, и не хочется мнѣ отъ тебя уходить, да ужъ такая, видно, моя планида, или, лучше сказать, случай такой мнѣ выходитъ, что никакъ отказаться нельзя: генеральша тутъ въ Питерѣ есть одна — богатая генеральша и очень къ бѣднымъ людямъ доброжелательная! Вотъ и смилостивилась она надо мною, да и говоритъ: «Я тебя, Прасковья, давно уже собиралась къ богадѣльнѣ пристроить, да въ комплектъ ты все попасть не могла, а вотъ теперь, видно, услышалъ Господь твои грѣшныя молитвы: получила я бумагу, что хоть сейчасъ можешь туда изъ своего уголка перебраться»...

— Что-жъ, — говорю я ей, — конечно, Прасковья Онисифоровна, кто-же отъ своего счастья отказываться станетъ?.. Придется намъ съ тобою разстаться.. Прощенья просимъ, ежели что когда промежъ насъ вышло...

— Что ты, что ты! — замахала та руками,—да я у васъ, какъ у Христа за пазухой, жила! Ежели-бы не генеральша эта самая, да я-бы ни въ жизнь, кажись...

Ну, попрощались мы тутъ съ нею честь-честью и я тутъ-же на воротахъ билетъ прибила, что отдается, молъ, свѣтлый уголъ въ тихомъ и благородномъ семействѣ и цѣна за него три бумажки въ мѣсяцъ.

А написалъ мнѣ этотъ билетъ все тотъ-же отставной чиновникъ, что у насъ проживалъ: очень онъ хорошо всѣ такія серьезныя бумаги составлять умѣлъ... Онъ и по мировымъ ходилъ... на манеръ, значитъ, какъ-бы адвокатъ или повѣренный...

Уѣхала это отъ насъ Прасковья Онисифоровна, а на другой-же день къ намъ и новый жилецъ объявился; только жилецъ совсѣмъ, какъ говорится, не нашего поля ягода, а настоящій господинъ, въ цилиндрѣ и платьѣ... все такое нѣмецкое—словомъ, совершенный мусью-монширъ съ Невскаго проспекта.

— Да вы, батюшка, можетъ быть, думали, что у насъ комната сдается? а у насъ, вѣдь, просто уголочекъ... и въ билетѣ этомъ самомъ, вотъ что вы на воротахъ изволили видѣть, и тамъ такъ прописано, и цѣна даже назначена... — сказала я ему.

Улыбнулся это онъ, да и говоритъ:

— Ничего я, хозяюшка, не думалъ, а только хотѣлъ васъ попросить, не скинете-ли вы мнѣ полтинничекъ? Дорого для меня три рубля въ мѣсяцъ платить, потому что безъ мѣста я теперь состою и жена еще при мнѣ съ малолѣтнимъ сыномъ находится...

— Такъ вы еще и не одни жить въ уголку нашемъ собираетесь? — спрашиваю я, а самое-то меня сомнѣніе беретъ: не безпокойно-ли намъ будетъ женатаго жильца да еще съ ребенкомъ взять?

И точно онъ эти самыя мои мысли въ головѣ моей прочиталъ, потому что сейчасъ-же началъ меня успокаивать и увѣрять, что будутъ они самыми спокойными и аккуратными жильцами и никакой намъ отъ нихъ обиды не будетъ...

Хотѣла я было лишній рубль набавить, потому что все-таки стѣснительно вмѣсто одного трехъ человѣкъ въ уголъ впустить, да ужъ такъ пожалѣла и на трехъ рубляхъ мы съ нимъ порѣшили...

Очень ужъ онъ мнѣ своею манерностью понравился, хотя мужъ, какъ вернулся домой отъ заказчика, сталъ мнѣ выговаривать, что продешевила я его, этотъ самый уголъ-то.

Ну, да что-же было дѣлать, когда я и деньги съ него впередъ за мѣсяцъ получила, и, уходя, онъ сказалъ, что къ вечеру и жену съ ребенкомъ перевезетъ?

Только очень мнѣ ужъ занятно было знать, что это за барыня такая съ мужемъ и ребенкомъ у меня въ углу жить будутъ. Самъ-то мнѣ баринъ понравился и такъ все это мнѣ деликатно объяснилъ, какъ онъ раньше хорошее мѣсто занималъ и какъ не отъ себя онъ это мѣсто потерялъ, съ женою и ребенкомъ на улицѣ остался и теперь вотъ долженъ въ углахъ жить, а только насчетъ супруги его сомнѣніе меня брало, какая она изъ себя привередница должна быть... да и жена-ли она ему?

Къ вечеру это онъ, дѣйствительно, перебрался къ намъ съ женою и сыномъ— Женей сына-то прозывали — и кое-какой скарбъ свой привезъ.

Сама—такая изъ себя красивая да вѣжливая, а мальчикъ-то ея худенькій - прехуденькій и, какъ настоящее барское дитя, завитый и съ голыми ножками.

Подошла она ко мнѣ и такъ просто руку протянула, словно я — ея знакомая какая, да и говоритъ:

— Мы съ вами, вѣрно, ссориться не будемъ, а зовутъ меня Ольгой Константиновной.

— Оченно, — говорю, — сударыня, рада съ вами знакомой быть, потому что я тоже деликатное обхожденіе очень понимаю и цѣню...

Вынула она тутъ изъ сундучка ситцевыя занавѣски и кровать ими огородила, постель постелила и все, какъ слѣдуетъ, аккуратно устроила: на столъ скатерть разложила, кое-что изъ посуды разставила и въ головахъ двѣ иконы въ дорогихъ ризахъ повѣсила.

— Послѣднее, — говоритъ, —это воспоминаніе о прежнихъ свѣтлыхъ дняхъ!

А у самой голосокъ-то такъ и дрожитъ, такъ слезки-то наружу и порываются.

— Ничего, — успокаиваю я ее, — еще посмотрите, сударыня, какъ поправитесь!..

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—гдѣ ужъ тутъ поправиться! Деньги, довольство, это еще можетъ вернуться, а здоровье-то ужъ не вернется!

— Будетъ довольство—и здоровье будетъ...

А она, голубушка, какъ закашляется, какъ закашляется, инда мнѣ, постороннему человѣку, жутко стало, да и Женя ея тутъ тоже забезпокоился, потому что хоть и ребенокъ, а все-таки понимаетъ, что матери его не сладко приходится...

— Вотъ ты теперь всегда такъ, мама, какъ маленькая,— говоритъ онъ ей.

Мужъ Ольги Константиновны все это время молчалъ, но по лицу его видно было, что и ему не легче было; посмотрѣлъ онъ на часы, да и сталъ уходить собираться.

— Ну, Оля, мнѣ пора насчетъ работы справиться, а ты пока окончательно устройся... теперь, вѣдь, это намъ не долго!..

Поглядѣла это я на него и вижу, что онъ самъ вотъ-вотъ сейчасъ разрюмится.

Далъ онъ мнѣ, уходя, паспортъ для прописки и я сейчасъ-же понесла его мужу показать; паспортъ въ порядкѣ и все въ немъ, какъ слѣдуетъ, прописано: чинъ его, званіе, что изъ дворянъ такой-то губерніи, что зовутъ его Владиміръ Ильичъ, по фамиліи Зиловъ, что женатъ на дочери отставного полковника Губина, дѣвицѣ Ольгѣ Константиновнѣ, и что у нихъ сынъ Евгеній шести лѣтъ. Ну, все, какъ есть, въ аккуратѣ. Послѣднія тутъ мои сомнѣнія на ихъ счетъ пропали и я совсѣмъ успокоилась; вижу, что новые жильцы, хотя и бѣдные, но благородные, а я въ каждомъ человѣкѣ это самое благородство выше всего цѣню.

Такимъ вотъ манеромъ и поселились у насъ господа Зиловы и стали жить, съ хлѣба на квасъ перебиваючись.

Владиміръ-то Ильичъ съ самаго утра по городу бѣгаетъ, мѣста или какой-нибудь работы ищетъ, а Ольга Константиновна, какъ встанетъ, такъ сейчасъ Женю своего причесывать начнетъ, Богу заставитъ молиться, ну, и все прочее по-благородному. Только вотъ насчетъ чая тамъ или кофе въ этомъ всегда у нихъ недохватъ оказывался. Только Ольга Константиновна, чтобы другіе жильцы этого не видали и въ критику не пустили, сама возьметъ кипятка въ чайникъ, да и дѣлаетъ видъ, что чай завариваетъ либо кофе.

Я-то очень хорошо вижу, что она изъ гордости комедію ломаетъ, но молчу и своего ей не предлагаю, потому что знаю ея характеръ: спасибо, скажетъ, у меня свой есть.

А какой тамъ свой! И пяти минутъ не пройдетъ, что она «свой» чай заваритъ, какъ ея Женя уже хнычетъ, что ему съ булочкой теплую водицу даютъ.

— Сколько разъ я тебѣ, мой милый, говорила, что маленькимъ вредно крѣпкій чай пить, — скажетъ, бывало, Ольга Константиновна, такъ, чтобы всѣ въ квартирѣ это слышали.

Да меня-то развѣ обманешь? Повожусь это я около плиты, да какъ-будто невзначай и спрошу ее:

— Что это вы, Ольга Константиновна, сегодня, кажись, чайкомъ балуетесь?

— Да, хозяюшка, что-то кофе надоѣдать сталъ...

— А, можетъ быть, Женичка моего кофейка съ молочкомъ попробуетъ...

— Что вы, что вы! — замахаетъ та руками,—развѣ можно такъ ребенка закармливать?..

— Да ужъ и вы-бы, за компанію...

— Помилуйте... я-то ужъ и позавтракать успѣла!..

А какой тутъ завтракъ, когда послѣдній кусокъ булки она всегда норовила ребенку оставить; а Владиміръ Ильичъ такъ просто на тощій желудокъ и въ странствованія свои отправлялся: Богъ его вѣдаетъ, когда и чѣмъ онъ только питался; когда-же какой-нибудь грошъ къ нему и перепадетъ, то сейчасъ-же онъ его къ женѣ тащитъ.

Завернула какъ-то разъ ко мнѣ моя бывшая жилица, Прасковья Онисифоровна, и, когда узнала, какіе господа у меня на ея мѣсто поселились, такъ даже руками всплеснула.

Оказалось, что эта самая Ольга Константиновна приходится родной племянницей той самой богатой генеральшѣ, которая ее въ богадѣльню опредѣлила.

Только и тутъ она изъ гордости не хотѣла къ теткѣ съ поклономъ идти, потому что противъ ея воли замужъ за Владиміра Ильича вышла.

Разсказала мнѣ все та-же Прасковья Онисифоровна и про то, какъ жили господа Зиловы, пока Владиміръ Ильичъ при мѣстѣ находился, какая у нихъ квартира графская была, какія лошади и все прочее. Однимъ словомъ, домъ полною чашей былъ, а вотъ теперь въ углахъ пришлось пробавляться.

Вотъ какъ иногда судьба-то человѣка кидаетъ!

Конечно, я объ этомъ ни словомъ не обмолвилась Ольгѣ Константиновнѣ, а самой ея въ тотъ день, какъ Прасковья Онисифоровна ко мнѣ приходила, дома не было, а то она, можетъ быть, и узнала-бы генеральшину приспѣшницу.

Только, наконецъ, такая ихъ, этихъ господъ Зиловыхъ, нужда пришибла, что для маленькаго Женички и на булку денегъ у нихъ не хватало: чернымъ хлѣбомъ ребенка кормить стали, а сама Ольга Константиновна совсѣмъ отощала, однѣ кости да кожа на ней остались!..

И, какъ только вернется поздно вечеромъ домой Владиміръ Ильичъ, такъ она на него и накинется, и начнетъ лопотать по-французски; только я-то очень хорошо понимала, что она его насчетъ денегъ спрашиваетъ.

А онъ-то, бѣднякъ, разведетъ только руками, да и скажетъ ей: «нонъ»,—это по-французски «нѣтъ» значитъ. Заломитъ тутъ моя Ольга Константиновна свои бѣлыя, словно точеныя, руки, глаза на образа уставитъ да таково жалобно простонетъ:

— Ахъ! монъ Дье, монъ Дье!.. Это она Господа Бога по-французски о помощи просила.

Дошло уже до того, что бѣлья чистаго у нихъ не было и просто жалко было на Женичку смотрѣть: всегда онъ такой чистенькій былъ, ну, какъ слѣдуетъ быть барскому дитяти, а тутъ чумичка-чумичкой...

Къ этому времени Ольга Константиновна уже и кровью начала харкать, и какъ увидалъ это въ первый разъ Владиміръ Ильичъ, то схватился за голову, да такъ и окаменѣлъ.

Только одно онъ и шепчетъ:

— Это я—твой убійца!

А Ольга Константиновна взяла его эдакъ нѣжно за руки, да и начала снова ему что-то по-французски говорить.

Вижу я, что она его утѣшаетъ, но не могла оставаться около нихъ, а къ себѣ въ комнату убѣжала, потому что я—тоже человѣкъ и на мнѣ крестъ есть.

На другой день, какъ только ушелъ Владиміръ Ильичъ изъ дому, я и приступила къ Ольгѣ Константиновнѣ:

— Вы-бы, голубушка моя, въ баньку со мной сходили, да и Женичку взяли-бы... тамъ заодно и бѣлье постирали-бы его, а то жалко, вѣдь, смотрѣть на ребенка!..

Она вся такъ и встрепенулась.

— Ахъ, какъ я хотѣла-бы Женичку свести вымыть въ баню... а то, вѣдь, у него въ головкѣ даже... нечистота всякая завелась... ну, и бѣлье, вы говорите, тамъ вымыть...

— Да ужъ вѣрьте мнѣ!..

— Только...—тутъ моя Ольга Константиновна вся застыдилась, зардѣлась, — только,—говоритъ,—у меня денегъ при себѣ нѣтъ!

— И это я знаю... вмѣстѣ пойдемъ... вы мнѣ потомъ отдадите...

Она даже и упираться не стала: связала все грязное бѣлье въ узелокъ и вышла вмѣстѣ со мной и ребенкомъ.

Пришли мы въ баню, понимаю я, что ей эти наши простонародныя бани претятъ... да что-жъ ты тутъ подѣлаешь? Принялась моя Ольга Константиновна бѣлье свое стирать (въ то время въ простыхъ баняхъ это разрѣшалось), а я со стороны-то смотрю на нее и вижу, что ничего-то она съ бѣльемъ сдѣлать не умѣетъ: мнетъ его только, а изъ глазъ слезы-то такъ и катятся, такъ и катятся!..

— Позвольте,—говорю,—Ольга Константиновна, я вамъ это все сдѣлаю, потому что вамъ это не сподручно!..

А она плачетъ и шепчетъ:

— Ничего-то я не умѣю! Не могу я быть въ семьѣ работницей!..

— Да зачѣмъ-же вамъ и быть работницей, если вы—барыня?—утѣшала я ее.

— Нѣтъ ужъ,—говоритъ,—какая я барыня!..

Только пришли мы изъ бани домой, а тамъ Владиміръ Ильичъ сидитъ, да такой радостный.

— Поздравь,—кричитъ,—мѣсто получилъ, теперь мы опять съ тобою заживемъ по-старому!..

Но Ольга Константиновна даже не улыбнулась, а только грустно такъ шепчетъ:

— Ну, теперь я могу умереть спокойно... Всѣ, кто мнѣ дорогъ, устроились...

— Да я за тебя главное радуюсь!—продолжалъ кричать Владиміръ Ильичъ.

— Что за меня радоваться, когда дни мои давно уже сочтены?..

И что-же вы думаете? Вѣдь, Ольга-то Константиновна вѣрно свой близкій конецъ предсказала!

Переѣхали Зиловы опять на хорошую квартиру, мебели всякой накупили, гувернантку для Женички взяли, а Ольга Константиновна чахла съ каждымъ днемъ и весной того-же года умерла гдѣ-то на чужой сторонѣ!..

А Владиміръ Ильичъ меня не забылъ и, когда умеръ мой мужъ, устроилъ меня въ богадѣльню и я ему за то по гробъ жизни благодарна.

Такъ вотъ, государь мой, какъ иногда судьба-то человѣка и низвести, и возвеличить можетъ, а все потому, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.

КОНЕЦЪ.

Туда.

Кругомъ темно. Иду туда,
Гдѣ блещетъ яркая звѣзда.
Холодный мракъ въ душѣ моей...
Звѣзда, звѣзда! блистай сильнѣй.
Какимъ путемъ къ тебѣ идти,
Сильнѣй дорогу освѣти!
Лучомъ тепла сгони скорѣй
Холодный мракъ съ души моей.
Къ тебѣ тернистъ и тѣсенъ путь
И я боюсь кругомъ взглянуть;
Не сбиться-бъ съ узкаго пути,
Собьюсь—другого не найти.
Желанье жить кипитъ въ груди,
А жизнь лишь будетъ впереди;
Дорога къ ней идетъ длинна,
Тѣсна, терниста и темна.
Въ душѣ порой сомнѣнья, страхъ,
Тоска, боязнь, нѣтъ силъ въ ногахъ...
И мыслю я: «куда иду?
Съ пути я въ пропасть упаду».
Но вотъ вдали блеснетъ звѣзда...
Я бодръ, я вновь иду туда.
Прошли тоска, сомнѣнья, страхъ...
Огонь въ груди, огонь въ очахъ.
Пусть мракъ кругомъ—иду туда,
Гдѣ блещетъ яркая звѣзда.
Звѣзда, звѣзда! сверкни сильнѣй
И мракъ сгони съ души моей.

Е. П.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

ВАНЪ Петровичъ прервалъ инженера:

— Вы влюблены въ эту златокудрую Нину?—спросилъ онъ.

— Господи благослови! Что это вы такое выкатили? Я — влюбленъ! Съ какой стати? Инженеръ—не офицеръ. Офицеры влюбчивы, инженеры — холодны. Такая профессія, другъ мой. Я вообще не понимаю этого таянія при видѣ женщины. Пусть-ка женщина въ меня влюбится, а я посмотрю. Говорили, говорили о равноправіи, а кончили тѣмъ, что женщинамъ уступили по всѣмъ пунктамъ, понасажали ихъ на всѣ мѣста, дали имъ всякія профессіи, а сами остались на бобахъ. Развѣ это—равенство? Это, другъ мой,—рабство, а не равенство, царство амазонокъ... Глупо! Я вовсе не хочу быть мужемъ царицы. Скоро жены будутъ ходить на службу, а мужья качать дома дѣтей и выпрашивать у жены денегъ на портного. Брр...

Иванъ Петровичъ вздрогнулъ. Онъ схватилъ за руку Матвѣя Семеновича.

— Вотъ почему я не хочу сейчасъ жениться на Натаровой,—сказалъ онъ,—пока не получу хорошаго мѣста, до тѣхъ поръ... не можетъ быть объ этомъ и рѣчи! И я надѣюсь на ваше обѣщаніе.

— Надѣйтесь. А то, что вы мнѣ говорите, одобряю. Что это? Эге! Второй звонокъ! Надо идти. Заболтался я тутъ съ вами. А гдѣ-же артельщикъ?

Артельщикъ уже прибѣжалъ впопыхахъ.

— Пожалуйте, занялъ мѣстечко.

Матвѣй Семеновичъ торопливо всталъ, расчитался съ прислугой и, схвативъ чемоданъ, помчался къ поѣзду.

Уже изъ окна вагона Матвѣй Семеновичъ сказалъ Ивану Петровичу:

— Послушайтесь меня! Женитесь на златокудрой. Отличное происхожденіе, средства къ жизни грандіозныя, умница, красавица, со связями. Получите хорошее мѣсто. Но не женитесь ни на массажисткѣ, ни на фельдшерицѣ, ни на сестрѣ милосердія, ни на школьной учительницѣ. Ага! Третій! Ну, до свиданья. Сейчасъ тронемся.

— Что вы за человѣкъ! — въ полномъ отчаяніи крикнулъ ему Иванъ Петровичъ. — Говорите одно, дѣлаете другое! И что за циничные взгляды на жизнь!

Но поѣздъ тронулся и Матвѣй Семеновичъ, высунувшись въ окно, замахалъ фуражкой.

Иванъ Петровичъ, низко опустивъ голову и ощущая въ душѣ какое-то невѣроятное чувство одиночества и тоскливости, ушелъ съ вокзала.

Городъ казался ему пустыннымъ и непривѣтнымъ. Себя онъ чувствовалъ какъ-бы выброшеннымъ за бортъ жизни. Куда пойти? Такъ ему все и всѣ надоѣли! Не съ кѣмъ говорить, не съ кѣмъ подѣлиться своимъ настроеніемъ. На всѣхъ лицахъ знакомыхъ одно пошлое любопытство, любопытство предъ скандальной исторіей. Пойти къ Натаровой онъ не чувствовалъ себя способнымъ—ему было-бы у нея жутко, не по себѣ. И въ клубъ не хотѣлось, и въ полкъ, и къ себѣ на квартиру... Онъ былъ выбитъ изъ колеи.

Иванъ Петровичъ шелъ, задумавшись. Исполнитъ-ли Матвѣй Семеновичъ свое обѣщаніе? будетъ-ли онъ въ состояніи исполнить? Ну, хорошо, пусть исполнитъ, пусть ему дадутъ мѣсто, но, вѣдь, тогда надо уѣхать? А Натарова ни за что не разстанется съ этимъ городомъ, съ этой обезпеченной матеріально жизнью. Вѣдь, она сама завоевала эту жизнь, а кто-же легко откажется отъ своихъ завоеваній? Обезпеченная жизнь развиваетъ привычки къ вещамъ и къ комфорту. Нужно быть героемъ, чтобы добровольно лишить себя благъ жизни. Нужно страстно, беззавѣтно любить, чтобы бросить все добытое годами тяжелыхъ трудовъ и отправиться съ любимымъ человѣкомъ въ неизвѣстность, на трудное, необезпеченное существованіе. Любитъ-ли она его такъ?

И какое-то злое сомнѣніе забралось въ его душу.

У погребка стоялъ толстый армянинъ въ ластиковомъ бешметѣ, засаленномъ и залоснившемся на его толстомъ брюхѣ, подымавшемся впередъ горой.

— Здравствуй, Вано!—сказалъ онъ офицеру.

Иванъ Петровичъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Здравствуй,—сказалъ онъ.

Армянинъ расправилъ свои длинные усы, висѣвшіе у него по концамъ толстыхъ губъ и проговорилъ:

— Зайды, душа мой. Карданахъ хорошій получилъ. Ва! Букетъ душистый...

Иванъ Петровичъ зашелъ. Ему вдругъ показалось, что ему хочется ѣсть.

Онъ сѣлъ въ низенькой, душной комнатѣ, въ которой летало много мухъ и на столѣ лежала грязная красная скатерть. Ему подали чурекъ, плоскій вкусный хлѣбъ, вареную тешку и шашлыкъ изъ барашка съ барбарисовымъ порошкомъ.

Но кусокъ не шелъ въ горло и Иванъ Петровичъ сразу почувствовалъ полное отсутствіе аппетита. Онъ отодвинулъ отъ себя тарелки, но зато съ жадностью выпилъ стаканъ бѣлаго вина, потомъ другой и третій.

Кедринскій почувствовалъ, какъ мрачное настроеніе куда-то уходитъ изъ него, а, вмѣсто него, на душѣ становится легко.

Тогда онъ спросилъ вторую бутылку и продолжалъ пить.

И то, что ему казалось до сихъ поръ невозможнымъ, неисполнимымъ, несбыточнымъ, вдругъ показалось удивительно достижимымъ.

Жажда не унималась; голова кружилась, потолокъ началъ двигаться, полъ уходить, стѣны вертѣться.

Онъ поспѣшилъ изъ погребка и заплетающимся шагомъ вышелъ на улицу. Но здѣсь мрачное настроеніе вдругъ крѣпко схватило его въ руки, какъ врагъ, выбѣжавшій изъ-за угла и давно поджидавшій его.

„Что-же будетъ дальше?—спрашивалъ онъ себя.—Что дѣлать, какъ быть? Матвѣй Семеновичъ уѣхалъ, и того мѣста, которое онъ обѣщалъ мнѣ, я лишился. Когда, когда еще инженеръ исполнитъ свое обѣщаніе? Да и что толка, если исполнитъ?"

Голова Ивана Петровича сильно кружилась и ноги не повиновались волѣ. Онъ сознавалъ все-таки, что въ такомъ видѣ ему не мѣсто на улицѣ, и, остановившись, сталъ соображать, какъ-бы ему лучше пройти домой.

Онъ повернулъ въ боковую улицу, какъ вдругъ вздрогнулъ съ ногъ до головы, будто сильная электрическая искра потрясла его.

— Ваня!—услыхалъ онъ взволнованный знакомый голосъ, звавшій его.

Онъ быстро оглянулся. Къ нему подходила Натарова.

Видъ у нея былъ, какъ всегда, элегантный; она была изящно одѣта въ темно-синяго цвѣта костюмъ, на головѣ была изящная шляпка съ большими полями и темно-красными махровыми цвѣтами. Отъ нея вѣяло здоровьемъ, бодростью, силою и спокойствіемъ. Но когда она увидѣла его, то лицо ея вдругъ по-

ВЪ ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. Съ картины профес. **В. Е. Маковскаго** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ**.

блѣднѣло и приняло испуганное, горестно-изумленное выраженіе.

— Ахъ!.. — вырвалось у нея стономъ.

Она шла на практику или съ практики, потому что въ ея рукахъ былъ ридикюль, неизбѣжная ея принадлежность, когда она ходила по кліенткамъ.

Кедринскій страшно сконфузился, сдѣлалъ движеніе скрыться отъ нея, но скрыться было некуда.

Растерянно остановился онъ посреди улицы.

— Ваня! Ваня! — горестно говорила она, укоризненно и печально качая головой. — Вотъ ты уже избѣгаешь меня, бѣжишь отъ меня! Не долго-же длилось твое чувство...

— Юля, — пробормоталъ онъ.

Звукъ его голоса, хриплый и глухой, удивилъ ее.

Натарова внимательно и тревожно взглянула ему въ глаза и вдругъ вскрикнула, пораженная:

— Ваня! Что съ тобою? Да ты.. ты... пьянъ!..

Руки ея опустились и ей сдѣлалось жутко, почти физически больно.

— Ну, что-жъ? — сказалъ Иванъ Петровичъ непослушнымъ языкомъ. — Ну да... немножко... но зачѣмъ-же такъ кричать?..

Онъ оглянулся съ безпокойствомъ. Они вошли уже въ боковую уличку, глухую и безлюдную, въ которой рѣшительно никого не было. Онъ опять качнулся, точно шарахнулся отъ нея въ сторону.

— Ваня, Ваня! — говорила она, не будучи въ состояніи придти въ себя.

— Ну, да въ чемъ дѣло?—хмуро остановилъ онъ ее.—Ну да, ну да... экое диво! Этотъ подлецъ Теръ-Акоповъ угостилъ карданахскимъ. Бѣда какая, право! Я и выпилъ. А что мнѣ дѣлать больше? Я не служу, отца у меня больше нѣтъ, Матвѣй Семеновичъ уѣхалъ и мѣсто ушло мимо носа... мѣсто... и... невѣста, — засмѣялся онъ нетрезвымъ смѣхомъ. — Ну-у жизнь!.. А у этого подлеца хорошее вино, это что говорить! И, пока пьешь — хорошо! А вотъ потомъ скверно... весьма даже скверно!..

— Ваня, — сказала ему Натарова строгимъ, торжественнымъ голосомъ. — Еще разъ говорю тебѣ: оставь свои нелѣпыя сомнѣнія! Ты знаешь, я люблю тебя; не тысячу-же разъ повторять это, — съ неудовольствіемъ проговорила она. — Мы можемъ теперь-же жениться. Это необходимо какъ для тебя, такъ и для меня. Ты будешь жить спокойно, ты будешь искать дѣла, работы, службы и ты найдешь ее, найдешь, я тебя увѣряю въ этомъ... Зачѣмъ сознательно и безцѣльно губить себя? Зачѣмъ? Я могла-бы ждать, если-бы я была увѣрена въ тебѣ. Но, посмотри, первая неудача — и ты уже ослабѣлъ, Ваня, и ты прибѣгнулъ къ ужасному средству всѣхъ слабыхъ русскихъ людей. Развѣ можно ждать при такихъ условіяхъ? Богомъ заклинаю тебя!..

Онъ вдругъ засмѣялся дробненькимъ, гаденькимъ смѣхомъ.

— Хорошенькое платье,—сказалъ онъ, оглядывая ее помутившимся взоромъ, — весьма хорошенькое! Это почтенная Ѳедосья Егоровна шила? Нѣтъ? И сколько оно стоитъ? У тебя вкусъ къ хорошимъ вещамъ... вотъ и ридикюль, и шляпка... Я не могу одѣвать такъ свою жену, средствъ нѣтъ, а ты не согласишься одѣваться просто, скромно и дешево... Ну да, ну да! Знаю!—замахавъ руками, продолжалъ онъ, хотя она ему и не думала возражать. — Какъ-же! Практика въ аристократическихъ домахъ... флеражъ, массажъ, поколачиванье и разминаніе жирныхъ тѣлъ. Надо быть въ изящномъ платьѣ, а то, вѣдь, не станутъ приглашать и потеряется практика. Такъ, что-ли?—Онъ опять засмѣялся. Его, видимо, разбирало.— И что ты такъ привязалась ко мнѣ? А? Зачѣмъ я тебѣ нуженъ? Я быстро качусь подъ гору. Отцѣпись, во-время отъ меня, а то я, пожалуй, и тебя потащу за собою. Жизнь — штука опасная и шутки съ нею плохи. Зачѣмъ я тебѣ? А? Царство амазонокъ... кхе!.. Я вовсе не хочу качать дома дѣтей и выпрашивать у тебя рубли на свои нужды, въ то время, когда ты будешь эти рубли зарабатывать... Сами себѣ посадили васъ на шею, а теперь вотъ и скулимъ. Мы никому не нужны. Вотъ я молодъ, а меня жизнь выбрасываетъ за бортъ... Развѣ сдѣлать тебѣ конкурренцію и превратиться въ массажиста?—Онъ вдругъ провелъ рукой по глазамъ, точно снимая паутину, и голосъ его сталъ визгливымъ. — Юля! Юля! — вскрикнулъ онъ съ какимъ-то стономъ, вырвавшимся изъ его груди.—А какъ я люблю тебя, какъ люблю! Я такъ несчастенъ!

Кедринскій заплакалъ, махнулъ рукой и быстро ушелъ отъ нея.

Натарова глядѣла ему вслѣдъ. Онъ шелъ шатаясь, какъ-будто почва колебалась подъ его ногами. Ей почудилось, что ея счастье заколебалось и уходитъ отъ нея вмѣстѣ съ нимъ этой невѣрной... и позорной походкой.

Ея сердце мучительно сжалось, на душѣ стало больно; въ ея глазахъ дрожали слезы, — слезы сознанія своего ужаснаго безсилія. Или ея любовь была такъ слаба, что не могла служить точкой опоры этому человѣку?

Медленно повернула она и пошла прочь отъ этого мѣста роковой встрѣчи.

XII.

Жизнь въ городѣ шла своимъ чередомъ, какъ всегда она идетъ въ тихихъ уголкахъ далекой провинціи. Попрежнему всѣ интересы сосредоточивались около губернаторскаго дома, клуба и театра. Еще бульваръ игралъ большую роль въ этой жизни. Бульваръ былъ главной артеріей городской жизни, тѣмъ большимъ каналомъ, по которому текли широкой мутной волной всѣ сплетни и новости, фабриковавшіяся въ городѣ, а иногда и тутъ-же на мѣстѣ,— сплетни отъ отсутствія настоящей общественной и политической жизни, отъ бездѣлья, отъ уныніе, отъ тоски. Бульваръ былъ устной газетой города, мелкой, будничной ежедневной газетой, состоявшей изъ одной рубрики: слуховъ и городскихъ происшествій, которые обыкновенно въ настоящей газетѣ печатаются на послѣдней страницѣ мелкимъ шрифтомъ. Но здѣсь они занимали первое мѣсто и шрифтъ передачи ихъ былъ крупный, потому что, кромѣ нихъ, ничего интереснаго не было. Иногда не было и ихъ. Тогда досужіе, бездѣльничающіе репортеры выдумывали ихъ сами по вдохновенію; въ хорошій весенній день всѣ скамьи были заняты на центральной части этого бульвара отставными и дѣйствительными чиновниками и офицерами съ небольшой примѣсью бездѣльничающихъ дамъ.

Еще недавно городскую публику интересовали слухи о романѣ Николая Сергѣевича съ „Еленой Прекрасной“. Теперь этотъ романъ потерялъ свою жгучесть и интересъ новизны. Николай Сергѣевичъ былъ влюбленъ, какъ мальчишка, и въ тѣ дни, когда ему почему-либо не удавалось видѣть предметъ своей страсти, онъ ходилъ осунувшійся, блѣдный, чуть-ли не больной. Онъ самъ былъ виноватъ, что о немъ такъ много говорили, потому что, вопреки афоризму, что „истинная любовь молчалива“, у него она сдѣлалась въ послѣднее время страшно болтлива и онъ положительно искалъ случая, съ кѣмъ-бы перемол-

виться хотя безразличнымъ словечкомъ о своей страсти.

Этотъ романъ пересталъ уже интересовать общество. Онъ потерялъ жгучесть перваго момента. Всѣ ждали развязки. Одни рисовали ее себѣ такъ, другіе иначе. Добровольные репортеры бульвара уже измышляли собственныя комбинаціи и выдавали ихъ за истину, не подлежащую опроверженію. Нѣкій молодой человѣкъ Зубковскій, сынъ богатаго чиновника, юноша безъ опредѣленныхъ занятій, но принятый въ обществѣ, которое боялось его, потому что онъ сотрудничалъ въ одномъ изъ столичныхъ юмористическихъ журналовъ, удостовѣрялъ, что жандармскій полковникъ „донесъ“ въ Петербургъ о неблагонадежности командира полка, изъ мести къ нему и ревности къ женѣ. У Николая Сергѣевича былъ сдѣланъ обыскъ и положеніе его сильно скомпрометтировано. Подождали подтвержденія, но ничего такого не подтвердилось. Поговорили, замолчали. Но такъ какъ общество нетерпѣливо требовало развязки интересующаго его романа, то явился другой „репортеръ“, адъютантъ мѣстнаго штаба, и уже съ полной достовѣрностью заявилъ, что первое извѣстіе— сплошная выдумка этого недоросля Зубковскаго, а истина заключается въ томъ, что Николай Сергѣевичъ откупился отъ мужа прекрасной Елены крупной суммой и мужъ взялъ заграничный отпускъ, чтобы не мѣшать медовому мѣсяцу влюбленныхъ. „Они такъ неистово влюблены другъ въ друга, что цѣлуются подъ фонаремъ городского сада“. Онъ самъ ихъ видѣлъ и былъ очень сконфуженъ. Но потомъ опять оказалось, что жандармскій полковникъ никакого отпуска никуда не бралъ, а чиновникъ банка заявилъ, что у Николая Сергѣевича никакихъ такихъ крупныхъ суммъ нѣтъ, чтобы онъ могъ откупаться отъ кого-нибудь.

Нѣсколько времени спустя, всѣмъ уже стало безусловно ясно, что романъ Николая Сергѣевича съ Еленой Ѳедоровной превратился въ самый обыкновенный, прозаическій и неинтересный menage en trois *), по всѣмъ правиламъ давно выработаннаго для такого рода семейныхъ союзовъ кодекса. Тогда всѣ успокоились. Потомъ произошло маленькое волненіе. Menage en trois превращался постепенно, но видимо, въ partie carrée **). Бравый жандармскій полковникъ все больше и больше обращалъ вниманіе на Капитолину Петровну, „великолѣпно выкрашенную“, по выраженію мѣстныхъ дамъ, которыя были выкрашены хуже, И ихъ всѣхъ стали встрѣчать вчетверомъ. Такъ они и ходили въ садъ, занимали столики за ужиномъ, ѣздили на пикники. И вышло то, что мужья мирно обмѣнялись женами, что на языкѣ бульварныхъ острослововъ называлось chassé croisé ***). Удостовѣрившись въ этомъ фактѣ, всѣ оставили ихъ въ покоѣ, такъ какъ они выдохлись и потеряли всякій интересъ. Любовь, перешедшая въ хроническое состояніе, никого больше не интересовала и теряла характеръ романа.

(Продолженіе будетъ.)

*) Семья втроемъ.
**) Игра вчетверомъ.
***) Перекрестная фигура въ танцахъ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Непривычное дѣло. (Къ рис. на стр. 1409.) Охъ, ужъ эти женщины! Умѣютъ и знаютъ онѣ, какъ и чѣмъ наказать нашего брата, мужчину. Да, вѣдь, какъ наказать: не догадаешься даже, наказанье-ли это, или знакъ особаго благоволенія! Вотъ такого рода случай и изображенъ на картинѣ художника Р. Эрнести. Движимый чувствомъ обыкновеннаго приличія, зашелъ онъ къ знакомой дамѣ «сдѣлать визитъ» и засталъ ее за работой. Дѣло обыкновенное. Обыкновенные-же, «визитные», разговоры пошли... и вдругъ она проситъ его вдѣть нитку въ иголку. Ну, кто, кромѣ женщины, можетъ проявить такое коварство? Совсѣмъ непривычное для него дѣло, а сдѣлать его надо такъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь: вѣдь, онъ серьезно думаетъ, что это—не наказаніе, а особый знакъ благоволенія. Послѣдующее, конечно, разъяснитъ, правъ-ли онъ, думая такъ.

Похищеніе. (Къ рис. на стр. 1415.) На лужку у рѣки дружной семьей мирно паслись гуси, въ то время какъ мимо нихъ, погруженная въ свои думы, проходила молодая дѣвушка. Тихимъ, какъ-бы любовнымъ «го-го-го» привѣтствовали они красавицу и этимъ привѣтствіемъ вывели ее изъ раздумья. У молодости, вѣдь, только мечты да шутки на умѣ. Прервались мечты, сейчасъ-же на смѣну имъ явилось желаніе пошутить. Не долго думая, подхватила дѣвушка перваго попавшагося ей подъ руку пушистаго красавца и, дѣлая видъ, что совсѣмъ желаетъ похитить его отъ товарищей, понесла его на рукахъ. Большой переполохъ поднялся среди обезпокоенныхъ гусей. Хоромъ загоготали они, впрочемъ, не зная еще, разсердиться-ли имъ на дѣвушку, или просто такъ шуткой на шутку отвѣтить.

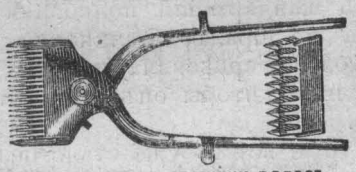
Мышь почуяли. (Къ рис. на стр. 1417.) Таинственный шорохъ гдѣ-то тамъ наверху въ углу уже давно смущалъ пушистыхъ шалуновъ, но до сегодня они не придавали ему особеннаго значенія. И безъ того до сегодня у нихъ было много занятій: кататься кубаремъ по устланному сѣномъ полу сарая, кувыркаться другъ черезъ друга, грызть другъ у друга уши, ловить собственные хвосты, да мало-ли еще чего! Но сегодня все это сразу какъ-то отошло на задній планъ. Въ нихъ проснулся инстинктъ охотниковъ и шорохъ наверху разомъ привлекъ все ихъ вниманіе. Они почуяли, что наверху мышь, и теперь предъ ними важный вопросъ: какъ начать охоту за звѣремъ, чтобы она вышла успѣшной? Моментъ, когда молодые хищники остановились надъ этимъ вопросомъ, съ замѣчательной живостью изображенъ на картинѣ художн. Ю. Адамъ.

Въ полномъ блескѣ. (Къ рис. на стр. 1423.) Да, здѣсь, на сценѣ, онѣ въ полномъ блескѣ и онѣ сознаютъ, чувствуютъ это. Онѣ знаютъ, что на нихъ теперь устремлены тысячи глазъ, и всѣ эти глаза смотрятъ на нихъ любовно, любуются на ихъ движенія, на ихъ красоту, на блескъ ихъ наряда и обнаженнаго тѣла и... это пріятно имъ, это заставляетъ ихъ забыть на время невзгоды и огорченія жизни. А эти невзгоды и огорченія есть и у нихъ, и онѣ — люди. Кончится вечеръ, потухнутъ огни, сбросится мишурный нарядъ и жизнь заявитъ свои права. «Пользуйтесь-же всѣ тѣми немногими минутами въ жизни, которыя даетъ она людямъ, чтобы почувствовать хотя призрачное счастье», — какъ-бы даетъ совѣтъ картина художника П. Меспле, исполненная съ такой живостью и легкостью, что забывается, что предъ вами только холстъ...

День отдыха. (Къ рис. на стр. 1425.) Кончилась трудовая недѣля, наступилъ день отдыха. Мирно, спокойно проходитъ онъ въ одинокомъ хуторѣ, въ патріархальной крестьянской семьѣ. Выбрались подъ вечеръ изъ хаты члены семьи на лужокъ предъ нею и ведутъ бесѣду и о протекшихъ дняхъ, и о будущихъ, о своемъ трудѣ, о томъ, освятитъ-ли его Господь урожаемъ, и о всемъ прочемъ, касающемся ихъ хозяйства. Дальше этого хозяйства ихъ интересы не идутъ, все остальное для нихъ чуждо. Они желаютъ жить своей тихой и мирной жизнью.

Въ праздничный день. (Къ рис. на стр. 1433.) Когда-же и поговорить, какъ не въ праздничный день? И собрались старушки, усѣлись на лавочку предъ садикомъ и сидятъ, гуторятъ, про старинушку вспоминаютъ да теперешнія дѣла обсуждаютъ. Ну, а въ разговорѣ какъ и про сосѣдей не вспомянуть? Иной разъ и имъ достанется. Но не по злобѣ это, а такъ просто, если къ слову придется. Около разговаривающихъ собрались и ребятишки; маленькимъ, конечно, до разговоровъ старшихъ дѣла нѣтъ, ну, а вотъ дѣвочка, что постарше, такъ той уже интересно; она даже сама нѣтъ-нѣтъ да свое замѣчаньице ввернетъ и серьезно все такъ скажетъ—будто и взрослыя... Милая, знакомая картинка.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.



МАШИНКИ ДЛЯ СТРИЖКИ ВОЛОСЪ
съ тремя номерами—2 р., 3 р., 4 р. и 5 р. Для бороды 00 или 000—2 р., 3 р. и 4 р. Безопасныя бритвы отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Обыкнов. бритвы отъ 50 к. до 5 р. Масса новостей. Иллюстр. каталогъ безплатно. Складъ Т-во Плоховъ и Готтарди, С.-Петербургъ, Садовая, 9. 470

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих

отъ

ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада **Рич. Пето.** СПБ. Караван. ул. 16, кв. 9.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже,
съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ мѣханич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 планка.

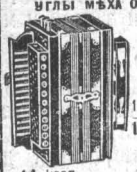
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА		
11 р.	13 р.	15 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса		
16 р.	20 р.	24 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ
МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА.
УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.



3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ	
12 клап.	14 клап.
9 руб.	10 руб.
4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ	
14 клап.	16 клап. 18 клап.
12 руб.	14 руб. 16 руб.
5-ти ПЛАНОЧНЫЯ	
14 клап.	16 клап. 18 клап.
15 руб.	17 р. 50 к. 20 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.
По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.
И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. **Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.**
Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: СПБ. ТЕХНО-Химическ. Лабораторія, С.-Петербургъ, Лиговская 123. 774

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ *Парижѣ 1900 г.*

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 22.
Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

Попробуйте и Вы изумитесь превосходному дѣйствію Настоящихъ Файскихъ Соденскихъ Минеральныхъ Лепешекъ,
при кашлѣ, охриплости, катаррѣ бронхіевъ, вообще при простудѣ органовъ дыхательныхъ путей. **Пріятный вкусъ!** Употребленіе очень простое. Лепешки можно получать во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ по 70 коп. за коробку. Главное депо: Поставщики Двора Штоль и Шмидтъ въ С. Петербургѣ.— Правленіе для Россіи: Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская ул., № 18. 500

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

ВМѢСТО 23 РУБЛЕЙ

только за 3 р. 50 к. съ перес. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка изящн. и прочн. карман. мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ ● не позолоченные ● заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6-ть лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоющихъ 100 руб. Такіе-же глухіе—цѣна 6 руб. Дамскіе глухіе—цѣна 7 руб. Адресовать: Въ главный складъ часовъ **Тов. „Комета“**, Варшава, Грибная площадь, 7. Безплатно къ часамъ прилаг. цѣпочка того-же металла и брелокъ. **Р. S. Премія:** при заказѣ 5-ти штукъ часовъ сразу прилаг. 1 часы безплатно. Остерегайтесь поддѣлокъ! Обращ. вним. на марку „Вѣкъ“! 515

НА ЕЛКУ.

Высыл. **коллекцію** изящн. елочн. украш. въ 3, 5, 10, 15, 20, 25 р. и дорожа. **Роскошныя новинки.** Требованія испол. немедл. по получ. задатка 1/3 стоимости. Варшава, ул. Дикая, № 3. Складъ елочн. украш. **Ш. Германъ.**
P. S. **Богатый подборъ каждой коллекціи вполнѣ оправдываетъ свою цѣль.** 517

ВОСТОЧНЫЯ ПИЛЮЛИ

Pilules Orientales

Развиваютъ и укрѣпляютъ формы бюста у женщинъ и придаютъ имъ граціозную полноту, безъ вреда для здоровья. Флаконъ съ объяснительной брошюрой—3 руб., внѣ Петербурга—3 р. 50 к. съ пересыл. J. Ratié, pharmacien, 5, Passage Verdeau, Парижъ.
Депо въ С.-Петербургѣ у Штоль и Шмидтъ. 504

Высылается брошюра средствъ отъ хроническихъ болѣзней, 468

ЦѢЛЕБНОСТЬ

которыхъ испытана.
Гаммеръ, Москва, Б. Грузинская, 15.

ЛУЧШІЯ
ГИЛЬЗЫ

„ФИЛИГРАНЪ“
и „ТРІУМФЪ“
ВЕЛИЧАЙШІЯ ВЪ МІРѢ
ФАБРИКИ ТОРГ. ДОМА
А. КАМЫКЪ и К°
МОСКВА

Дозволено цензурою. Спб., 29-го октября 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Открыта подписка на 1906 г. на изданія „РОДИНА“

Подробное объявленіе о подпискѣ на изданія „Родина“ напечатано въ газетѣ № 43.

Фирма сущ. **НАШЕЛЪ!** съ 1884 г. 529

возможность увеличивать портреты почти въ натуральную величину (бюстомъ) размѣръ 30 на 40 сант., по цѣнѣ **3 р.** съ рамой. Иногородн. за 4 р. съ перес. Художеств. мастерская „Свѣтопись“, СПБ., Садовая ул., 64.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ перес.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

КНИГЪ

для домашнихъ библіотекъ по особо

УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ

имѣется въ книгоиздательствѣ А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

БИЛЬЦЪ

САНАТОРІЙ I РАЗРЯДА

ДРЕЗДЕНЪ-РАДЕБЕЙЛЬ.

Проспекты безплатно. 3 врача, старшій врачъ д-ръ медиц. Ашке. Благодаря мягкому климату (сакс. Ницца), особенно пригоденъ для **ОСЕННИХЪ и ЗИМНИХЪ лечебныхъ сезоновъ.**

НОВЬ

Самый ДЕШЕВЫЙ популярно-научный иллюстрированный доступный для всѣхъ **НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ**, съ доставкой въ годъ **только за 2 руб.**

дастъ гг. подписчикамъ въ теченіе 1906-го года:

50 №№ иллюстрированн. литературно-научнаго **ЖУРНАЛА** и при немъ **100** №№ **спеціальныхъ отдѣловъ:**

20 №№ „Домъ, садъ и огородъ“,—**20** №№ иллюст. „ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ“,

12 №№ „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“,—**12** №№ „ВОСПИТАНІЕ и ЖИЗНЬ“,

20 №№ „Наука и прикладныя знанія“, и **16** №№ „Домашній врачъ“.

Сверхъ того, за доплату **ОДНОГО** рубля при „НОВИ“ выйдутъ

12 КНИГЪ РОМАНОВЪ повѣстей и разсказовъ лучш. русскихъ и иностран. писателей, подъ названіемъ **„ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“**

Подписная цѣна: **„НОВЬ“** со всѣми отдѣлами и **СЪ** 12 книгами **„ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“** за годъ только за 6 мѣсяцевъ 1 руб. 60 коп. **3 руб.** **ПРОГРАММА безплатно.**

Подписная цѣна: **„НОВЬ“** со всѣми отдѣлами **БЕЗЪ** 12-и книгъ **„ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“** за годъ только за 6 мѣсяцевъ 1 руб. 10 коп. **2 руб.** **ПРОГРАММА безплатно.**

Подписка адресуется въ **Издательство А. А. КАСПАРИ,**

С.-Петербургъ, Лиговская ул., д. 114 (журналъ **„НОВЬ“** и **„Всеобщая библіотека“**).

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ **„ОДОБРИНЪ“** только Михаила ЛЕБЕДЕВА 188 съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Это средство уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько дней застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Иногородн. высылается съ пер., 2 кор.—1 р. 20 к., 4 кор.—1 р. 90 к., 6 кор.—2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Гороховая, 52. Мих. Лебедевъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Въ виду появившихся поддѣлокъ, прошу купить Перуин изобрѣт. Р. Пето только въ неупакованныхъ флаконахъ, чтобы убѣдиться что флак. имѣетъ этотъ этикетъ:

Флаконъ вездѣ 1 р. 75 к. или пересыл. изъ склада **Базаръ Марскъ** Спб., Невскій, № 20, кв.

Красное Солнышко.

Керосино-калильное освѣщеніе, безъ сѣтокъ Ауэра, пріятное и яркое, 50% экономіи керосина. Полная горѣлка со спеціальнымъ стекломъ и фитилемъ высылается почтой за 2 руб. 50 коп. Технич. контора **Керберъ, Сумы,** Харьк. губ. 485

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ

ИСЦѢЛЯЮЩИМИ БЕЗВРЕДНЫМИ ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ.

КНИГУ. ПОПУЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХЪ; въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“, высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на расх. перес. (заказнымъ 28 коп.)

СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ ВЪ 1834 ГОДУ

Центральная Гомеопатическая Аптека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ, 15.

Существующая при Аптекѣ Лѣчебница Доктора Флеминга даетъ иногороднимъ письменные совѣты (неимущимъ безплатно).

ВАЖНО ДЛЯ ВСѢХЪ!

Для распространенія нѣкоторыхъ новыхъ сортовъ своего производства высылаемъ въ розницу по **спеціально-пониженнымъ** цѣнамъ:

„Англійское трико“ на солидные мужскіе костюмы. Очень прочная и модная теплая матерія чернаго цвѣта, затканная бѣлой или цвѣтной искрой или клѣткой въ англійскомъ вкусѣ. За отрѣзъ въ 4¼ арш. на цѣлый костюмъ—5 руб.

„Шевіотъ-деми“ на модныя дамскія платья, очень красивой выдѣлки и хорошей доброты, для осенняго и зимняго сезона, затканный иглообразными свѣтл. крапинами, „нупе“ или полоской. Цвѣта: бордо, коричнев., маренго (темно-сѣрый), оливковъ., синій, черный. За отрѣзъ въ 8 арш. на цѣлое платье—3 р. 60 коп.

При заказѣ 3-хъ и болѣе отрѣзовъ „англійскаго трико“ фабрикой прибавляется въ видѣ преміи

СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО

требующееся къ каждому отрѣзу количество подкладки, а при заказѣ 3-хъ и болѣе отрѣзовъ „шевіота-деми“ добавляется, **тоже даромъ**, дамскій шелковый шарфъ, гладкій, разныхъ цвѣтовъ, свѣтлыхъ и темныхъ, или-же полосатый, въ восточномъ вкусѣ, употребляемый для визитовъ и въ театръ.

При одновременномъ-же требованіи 3-хъ и болѣе смѣшанныхъ отрѣзовъ мужскихъ и дамскихъ высылается безплатно любая изъ вышеозначенныхъ 2-хъ премій, по выбору заказчика.

Упаковка за счетъ фабрики. За пересылку-же по почтѣ уплачиваетъ заказчикъ, если онъ выписываетъ съ наложеннымъ платежомъ. Но, когда фабрика получаетъ впередъ всю стоимость заказа, тогда заказчикъ за пересылку ничего не платитъ.

Требованія просимъ адресовать: гор. Лодзь, оптово-розничный складъ фабрики шерстяныхъ и камвольныхъ издѣлій „Монополь“. 518

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ для домашнихъ библіотекъ

по особо УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ

имѣется въ книгоиздательствѣ **А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская улица, собств. домъ, № 114.**

Подробный указатель книгъ напечатанъ въ журналѣ „Родина“ № 19 и 20, а также высылается безплатно.

РѢДКІЕ ЧАСЫ!!!

Кому желательно имѣть что-нибудь новое, чтобы было, на что самому посмотрѣть и другимъ показать, рекомендуемъ пріобрѣсти самые практичные, прочные и изящные карманные мужскіе часы черные вороненой стали, съ вѣчнымъ календаремъ, вмѣсто 18 руб. только за 8 руб. и глухіе — 10 руб. Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни и фазы луны. Такіе-же серебряные часы, крытые, всѣ 3 крышки 84-ой пробы—на 6 руб. дороже, т. е., въ 14 и 16 руб. Письменное ручательство за прочность и вѣрность хода часовъ на 8 лѣтъ. Требованія высылаются немедленно налож. платеж. и безъ задатка. Адресовать: Складу часовъ Т-ва **„Универсаль“**, Варшава—18. Къ каждымъ часамъ прилагаемъ безплатно: 1) цѣпь американскаго золота, 2) кольцо золотое 56-ой пробы съ искусствен. камнемъ, 3) 1 кожаное портмонэ со штемпелемъ имени и фамиліи заказчика. 531

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ. **УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.**

Мои коллекціи елочныхъ украшеній въ настоящее время уже составлены и особенно выдаются своимъ изяществомъ. Не перечисляя предметовъ, помѣщенныхъ въ коллекціяхъ, такъ какъ добросовѣстное мое отношеніе къ почтеннымъ гг. покупателямъ достаточно извѣстно, имѣю честь сообщить, что цѣны назначены, какъ и въ предыдущихъ годахъ: 544

2 р. 95 к., 5 р., 10 р. до 100 р.

Вслѣдствіе просьбы моихъ заказчиковъ я изготовилъ въ этомъ году еще коллекцію

въ 2 р. 95 к. съ 205 вещами

и тутъ вложено рѣшительно все для украшенія небольшой елки. Эта коллекція въ **2 р. 95 к.** рѣшительно внѣ всякой конкурренціи по полнотѣ, изяществу и дешевизнѣ. Высыл. нал. платежомъ **Базаръ Марокъ**, С.-Петербургъ, Невскій 20, кв. 9.

Н. Феттеръ и Е. Гижкель.

Москва, Театральный проѣздъ, домъ Влохиной.

Поставщики Императорскаго Общества правил. охоты и его Новгородско-Тверскаго отдѣла. Единственные представители для всей Россіи оружейныхъ заводовъ И. П. Зауэра и сына въ Зулѣ, Г. Пипера въ Льежѣ, Акціонернаго Общества Маузера въ Оберндорфѣ, національной фабрики военнаго оружія въ Герсталь-Льежѣ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ по первому требованію высылается безплатно.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ! 445

„УСАТИНЪ А. ГЕБГАРДТА“

дастъ всякимъ усамъ удивительно изящную форму и сохраняетъ глянецъ и мягкость. Даже самые маленькіе усы дѣлаются большими и даже густыми. „Усатинъ“—вещество не клейкое и не жирное. Фл.—1 р. Перес. до 2 флак.—50 к., въ Азіат. Рос.—90 к. **Складъ техно-химическихъ спеціальностей А. ГЕБГАРДТА.** С.-Петербургъ, Невскій пр., № 88—6 (во дворѣ).

Волосы,

уходъ за ними, болѣзни и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кинунена. Популярная брошюра **д-ра медицины Ю. Э. Фриллендера.** Высылается желающимъ безплатно изъ главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: **С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13.** 365

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра. **ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ** Ст. Ю. ЭРНСТА Москва. Чистые пруды № 138 Руководство къ самообученію 3 руб.

НОВУЮ ЖИЗНЬ

даетъ новый заработокъ. Требуйте безплатно подробности. М. П. Мельбардъ, Москва, № 27. 532

Въ книжномъ складѣ журнала и газеты „РОДИНА“

С.-Петербургъ, Лиговская ул., собств. д., № 114, при главной конторѣ журнала «РОДИНА», и въ его отдѣленіяхъ: 1) **С.-Петербургъ**, Садовая улица, домъ № 20, третій домъ отъ Невскаго, и 2) **Москва**, Петровскія линіи, противъ гостиницы «Россія»,

продаются слѣдующія изданія:

Королевскія Идилліи.

Десять поэмъ знаменитаго англійскаго поэта-лауреата **Альфреда Теннисона** въ полномъ **стихотворномъ** переводѣ **О. Н. Чюминой** съ иллюстраціями Г. Дорэ, Райда, Мэклиза и др., съ біографіей А. Теннисона, очеркомъ его литературной дѣятельности и статьей о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола. **Единственное на русскомъ языкѣ изданіе поэмъ А. Теннисона.** Цѣна для гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“ безъ переплета **1 р. 50 к.** съ перес., въ переплетѣ **2 р.** съ пересылкой

РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

I) **Древне-кіевскій періодъ.** Съ иллюстраціями профессора **Верещагина**, академика **М. О. Микѣшина**, художниковъ **В. Полякова и А. Скиргелло.** II) **Новгородскій и новѣйшій періоды.** Съ иллюстраціями тѣхъ-же художниковъ. Цѣна каждаго выпуска отдѣльно 1 руб. 25 коп., а оба выпуска вмѣстѣ—2 руб. Это изданіе содержитъ въ себѣ всѣ извѣстныя до сихъ поръ былины о богатыряхъ земли русской и отличается вполнѣ новымъ стихотворнымъ изложеніемъ и интересными иллюстраціями.

СОДЕРЖАНІЕ № 45-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**: **Ершъ и Пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго. (Прод.)—**Находка.** Стих. М. Колосова.—**Безъ упрека.** Разсказъ Л. А. Чарской. (Оконч.)—**Въ углахъ.** Разсказъ М. Ѳ. Караулова.—**Туда.** Стих. Е. П.—**Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.)—**Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Непривычное дѣло. Съ карт. Р. Эрнести.—Похищеніе. Съ картины Г. Турнеръ.—Мышь почуяли. Съ картины Ю. Адамъ.—Въ полномъ блескѣ. Съ картины П. Меспле.—День отдыха. Съ картины Д. Шерринъ.—Въ праздничный день. Съ картины В. Е. Маковскаго.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Свиданіе. Разсказъ Т—нча. (Съ 7 рис.)—Современный поэтъ. (1 рис.)—Въ прачечной. (1 рис.)—Мозаика.—Кокеткѣ. (Шутка.) Вячеслава Батова.—Географическая задача № 33. Ариѳметическая задача № 6.—Загадка № 26.—Магическій квадратъ № 18.—Магическій крестъ № 25.—Энстихозъ № 13.—Перестановка буквъ № 47.—Омонимъ № 7.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 43.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. С. Поповъ. (Съ портр.)—И. М. Занчевскій. (Съ портр.)—Нападеніе въ горахъ Кавказа. (Съ 1 рис.)—Минный транспортъ „Волга“. (Съ 1 рис.)—Къ поѣздкѣ Лубэ въ Испанію. (Съ 2 рис.)—Баронъ фонъ Фейервари (Съ портр.)—Сотая годовщина Трафальгара. (Съ 1 рис.—Китайцы въ Трансваалѣ. (Съ 2 рис.)—Обыденныя сцены въ Танжерѣ. (Съ 1 рис.)—Всемірная хроника.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ **36** столбцовъ журнала, **12** столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, **12** столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и **24** столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I) Моды, № 11. II) Листъ съ выкроечными рисунками, № 11. III) Листъ съ рисунками для любительскихъ работъ, № 11. IV) Узоръ въ краскахъ, № 11. V) „Собраніе романовъ „Родины“ 1905 г., № 22. Романы русскихъ писателей, кн. 11-я, содержащая въ себѣ:

„НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“.

Повѣсть А. А. Соколова. Окончаніе. (Стран. 81—248.)

Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал redaktorer
rutracker.org